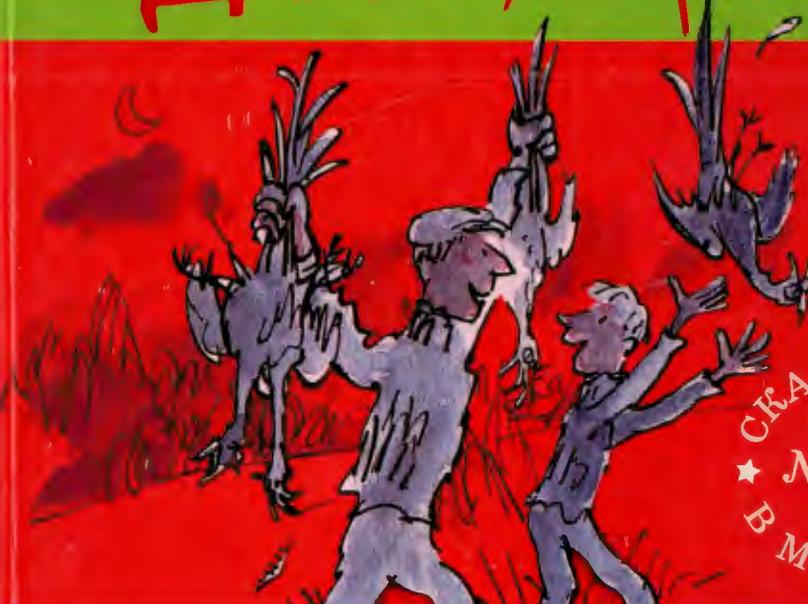

84(3)
А 15

Ролд Далъ

ROALD DAHL

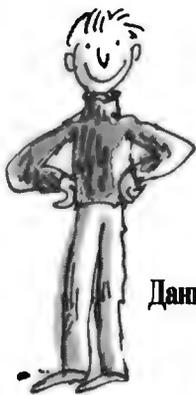
Данни, чемпион
мира

СКАЗОЧНИК
№ 1
В МИРЕ

Иллюстрации Квентина Блейка

ЗНАКОМЬТЕСЬ...

Данни

Его папа

Док Спенсер

**Мистер
Кроллер**

Миссис Клипстон

**Мистер
Виктор
Фундукк**

Danny
the Champion
of the
World

Illustrated by
Quentin Blake

PUFFIN

Роберт Дале

ROALD DAHL

Данни,
чемпион мира

Перевод с английского
Евгении Канищевой

Иллюстрации
Квентина Блейка

Москва 2016 Самокат

УДК 821.111-34-93 Даль Р.
ББК 84(4Вел)-4
Д15

Серия «Роальд Даль. Фабрика сказок»

Даль, Роальд.

Д15 Дanni, чемпион мира : [для млад. и сред. шк. возраста] /
Роальд Даль ; пер. с англ. Евгении Канищевой; ил. Квентина
Блейка. — М. : Самокат, 2016 — 240 с. : ил. — (Серия «Роальд
Даль. Фабрика сказок»). — Доп. тит. л. англ.
ISBN 978-5-91759-514-6

Смогут ли Дanni и его папа перехитрить подлого мистера Фун-
дукка?..

Всякий мальчик хотел бы жить, как Дanni. Ещё бы, у него
вместо дома цыганская кибитка, он самый юный из всех юных
автомехаников, а его лучший друг — собственный папа, который
знает столько чудесных историй! Но однажды ночью Дanni вдруг
узнаёт страшную тайну о своём папе, которую тот скрывал от сына
целых девять лет. И вот, неожиданно для себя, Дanni оказывается
вдохновителем и организатором невероятного заговора против
чванливого Виктора Фундукка, местного богатого землевладель-
ца. Если у них всё получится, Дanni станет чемпионом мира!

Любое использование текста и иллюстраций разрешено только с письменного
согласия издательства. Защита прав и интересов ИД «Самокат»:
ООО Юридическое агентство «Копирайт» www.juragent.ru.

This edition published by arrangement with David Higham
Associates Ltd and Synopsis Literary Agency.

This edition published by arrangement with
AP Watt Limited and The Van Lear Agency.

Danny the champion of the world — Text copyright © Roald Dahl Nominee Ltd., 1975
Illustrations Copyright © Quentin Blake, 1994

© Евгения Канищева, перевод на русский язык, 2016

© ООО «Издательский дом “Самокат”», 2016. Издание на русском языке

ISBN 978-5-91759-514-6

*Эта книга посвящается всей семье:
Пат, Тессе, Тео, Офелии, Люси*

Автозаправка

Когда мне было четыре месяца от роду, моя мама внезапно умерла, и папа остался со мной на руках один-одинёшенек. Я тогда был вот таким:

Ни братьев, ни сестёр у меня не было.

Так что всё моё детство, начиная с четырёх месяцев, мы жили вдвоём: папа и я.

Мы жили в старой цыганской кибитке за автозаправкой. Автозаправка, кибитка и небольшое поле за ней принадлежали папе — вот и всё, что принадлежало ему в этом мире. Это была очень маленькая автозаправка на узкой просёлочной дороге среди полей и лесистых холмов.

Пока я был младенцем, папа купал меня, и кормил, и менял мне пелёнки, и делал миллионы прочих вещей, которые обычно делают мамы. Для мужчины это не так-то просто, особенно если ему ещё и приходится зарабатывать на жизнь ремонтом двигателей и заправкой бензобаков.

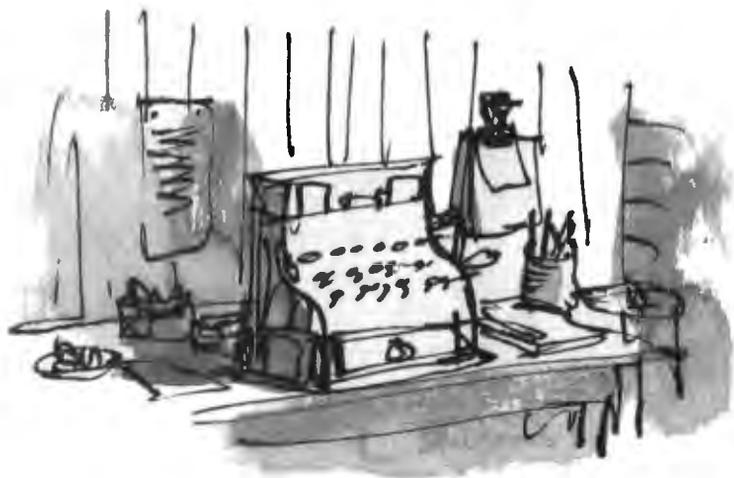
Но мой папа, похоже, был не против. Мне кажется, когда мамы не стало, всю свою любовь к ней он обрушил на меня. В раннем детстве я ни единой секунды не был несчастен или болен. Вот так я выглядел в свой пятый день рождения:

Как видите, я с головы до ног перепачкан смазкой и машинным маслом, но это потому, что я целыми днями пропадал в мастерской, помогая папе возиться с автомобилями.

На нашей заправке было всего два бензонасоса. За ними стоял деревянный сарай, служивший конторой. В конторе ничего не было, кроме старого стола

и кассы, в которую складывались деньги. Касса была из тех, где нажимаешь кнопку, внутри что-то звякает, и со страшным грохотом выезжает лоток для денег. Мне это нравилось.

Справа от конторы располагалось квадратное кирпичное строение — мастерская. Папа строил её сам, любовно и тщательно, и это было единственное по-настоящему прочное сооружение в наших владениях. «Мы с тобой инженеры, ты и я, — бывало, говорил он мне. — Починка моторов — это наш хлеб, а в развалюхе хорошую работу не сделаешь». Мастерская у нас была замечательная, туда легко входил один автомобиль и оставалось полно места по краям для работы. Ещё там был телефон, чтобы клиенты могли заранее договориться о ремонте.

А в кибитке жили мы, и она была нам родным домом. Это была настоящая старая цыганская кибитка с большими колёсами, вся красиво разрисованная жёлтыми, красными и голубыми узорами. Папа говорил, ей лет сто пятьдесят, не меньше. Немало цыганских детишек, говорил он, родились и выросли в её деревянных стенах. Когда-то давно наша кибитка, запряжённая конём, прогромычала, должно быть, тысячи миль по дорогам и тропинкам Англии. Но теперь её странствия были окончены, деревянные спицы в колёсах начали гнить, и папа подпёр её снизу кирпичами.

В кибитке была только одна комната, не многим больше приличной ванной в современных квартирах. Комната была узкая, как и сама кибитка, и вдоль

дальней стены располагались две койки, одна над другой. Верхняя койка была папина, нижняя моя.

Хотя в мастерской у нас было электричество, провести его в кибитку нам не разрешили. Электрики сказали, она такая старая и шаткая, что в ней опасно прокладывать электропроводку. Поэтому мы обогревали и освещали своё жилище примерно так, как это делали за много лет до нас цыгане. У нас была печь, зимой мы топили её дровами, и из трубы над крышей кибитки шёл дым. Ещё у нас была керосинка, на которой мы кипятили чайник или варили рагу, а с потолка свисала керосиновая лампа.

Когда мне нужно было помыться, папа грел в чайнике воду и наливал в корыто. Потом раздевал меня, ставил в это корыто и тёр с головы до ног. Думаю, в результате я становился таким же чистым, как если бы принял ванну, — а может, и ещё чище, потому что не сидел после мытья в грязной воде.

Из мебели у нас были два стула и стол, да ещё крошечный комод; это и был весь наш домашний уют. И нам вполне хватало.

Туалетом нам служил смешной деревянный домик в поле за кибиткой, чуть поодаль. Летом всё было хорошо, но зимой, в снег, сидеть в этом домике было всё равно что в холодильнике, доложу я вам.

Прямо за кибиткой росла старая яблоня. Вкуснейшие яблоки созревали к середине сентября, и потом

их можно было собирать ещё целый месяц. Некоторые ветки нависали над крышей кибитки, и когда ночной ветер сбивал яблоки с дерева, они приземлялись на крышу. Я лежал в койке и слышал над головой *бум... бум... бум...* — но мне не было страшно, потому что я точно знал, что это за звуки.

Мне очень нравилось жить в этой цыганской кибитке. Особенно — вечерами, когда я лежал, укутанный в одеяло, а папа рассказывал мне сказки. Керосиновая лампа была прикручена, я видел раскаленные докрасна поленья в старой печи, и до чего же чудесно было лежать так в тепле и уюте в собственной постели в нашей комнатушке. А чудеснее всего было знать, что, когда я усну, папа по-прежнему будет тут, совсем рядышком, на своём стуле у огня или в койке прямо над моей.

Большой и Добрый Великан

Мой папа, вне всякого сомнения, был самый расчудесный и восхитительный папа на свете. Ни у одного мальчика не было такого папы. Вот вам его портрет:

Те, кто не знал его близко, могли подумать, что он человек серьёзный и угрюмый, — но нет, он таким не был. На самом деле он был ужасно весёлый. А серьёзным

он выглядел потому, что никогда не улыбался губами. Он улыбался одними глазами. Глаза у него были ярко-голубые, они вспыхивали, когда он думал о чём-нибудь смешном, и, если всмотреться, было хорошо видно, что в зрачках пляшут крошечные золотые искорки. Однако губы его при этом не шевелились.

Я был рад, что папа улыбается одними глазами. Это значило, что он никогда не улыбался мне фальшивой улыбкой, потому что глаза не станут искриться, если ты не искришься сам. Улыбка ртом — совсем другое дело. Её можно запросто подделать: изогнул губы — и всё. И, кстати, я понял, что настоящая улыбка ртом невозможна без улыбки глазами, так что если кто-то улыбается вам одними губами, а глаза остаются прежними — будьте настороже. Он точно притворяется.

Моего папу вы бы не назвали образованным. Вряд ли он за всю свою жизнь прочитал хотя бы два десятка книг. Зато какой он был рассказчик! Каждый вечер он сочинял мне новую сказку, а самые лучшие превращались в сериалы с продолжением.

Одна из них, которая растянулась на полсотни вечеров, если не больше, была про Большого и Доброго Великана, сокращённо — БДВ. Этот БДВ был втрое выше обычного человека, и ладони у него были размером с тачку. Он жил в огромной подземной пещере недалеко от нашей заправки и выбирался наружу только когда темнело. А в пещере у него была порошочная

фабрика, где он производил больше сотни разных видов волшебных порошков.

Когда папа рассказывал сказки, он иногда расхаживал по комнате взад-вперёд, размахивая руками и шевеля пальцами. Но чаще он сидел на краешке моей койки и говорил очень тихо.

— Большой и Добрый Великан делает свои волшебные порошки из детских снов, — рассказывал он.

— А как? — спросил я. — Как он их делает, папа?

— Сны, мой мальчик дорогой, — это очень загадочная вещь. Они летают в ночном воздухе, как крошечные облачка, и ищут спящих.

— А сами они при этом заметны? — спросил я.

— Нет. Они совершенно невидимы.

— Тогда как же Большой и Добрый Великан их ловит?

— Вот именно, — сказал папа. — Тут-то и начинается самое интересное. Понимаешь, в чём дело: сон, когда он пролетает в ночи, издаёт очень тоненькое жужжание, даже зудение, такое тихое, что ухо обычного человека его не различает. Но БДВ слышит его отлично. У него фантастический слух.

Мне нравилось, как папа пристально смотрел куда-то вдаль, когда рассказывал свои истории. Лицо у него делалось бледное, неподвижное и отрешённое, и он не замечал ничего, что было рядом.

— БДВ, — продолжал он, — слышит поступь божьей коровки, когда она ползёт по листу. Он слышит,

как под землёй перешёптываются на бегу муравьи. Слышит, как вскрикивает от боли дерево, когда дровосек наносит удар топором. Вокруг нас, мальчик мой, целый мир звуков, которых мы не слышим, потому что наши уши недостаточно чутки.

— А когда он поймает сон, что тогда? — спросил я.

— Тогда он бросает его в стеклянную банку и плотно затыкает пробкой, — ответил папа. — У него в пещере тысячи таких банок.

— А плохие сны он тоже ловит? Не только хорошие?

— Да, — сказал папа. — Он ловит и те, и другие. Но порошки делает только из хороших.

— А с плохими что он делает?

— Он их взрывает.

Не могу вам передать, как я любил папу. Когда он сидел рядом со мной на моей койке, я дотягивался до него

и брал за руку, а он обхватывал мою ладошку своими длинными пальцами и крепко сжимал.

— А когда порошки готовы, что он потом с ними делает? — спросил я.

— Тёмной-тёмной ночью, — сказал папа, — он крадёт-ся по улицам и ищет дома, в которых спят дети. БДВ такой высокий, что может заглядывать в окна второго и даже третьего этажа, и когда он видит, что в комнате спит ребёнок, он открывает свой чемодан и...

— Чемодан? — переспросил я.

— У БДВ всегда при себе чемодан и труба, — объяснил папа. — Длинная и узкая, как фонарный столб. А в чемодане он носит порошки. Так вот, он открывает

чемодан, выбирает самый подходящий порошок... высыпает его в трубу... просовывает трубу в открытое окно... и дует... и порошок разлетается по комнате... и ребёнок его вдыхает.

— И что тогда? — спросил я.

— И тогда, Данни, ребёнку начинает сниться восхитительный и поразительный сон... и когда в этом сне наступает самый восхитительный и поразительный момент... тогда волшебный порошок делает своё дело... и сон перестаёт быть сном... и становится явью... и вот ребёнок уже не спит в своей кроватке... он теперь там, где происходят события его сна... и он участвует в этих событиях... уже по-настоящему. А дальше я расскажу тебе завтра. Уже поздно. Спокойной ночи, Данни. Засыпай, мальчик.

Папа поцеловал меня, прикрутил фитиль нашей маленькой керосиновой лампы, и она погасла. Он уселся перед дровяной печкой, которая излучала в тёмной комнате ровное и красивое красное сияние.

— Папа, — шепнул я.

— Что?

— А сам ты видел Большого и Доброго Великана?

— Один раз, — сказал папа. — Всего один раз.

— Видел?! Где?

— Я стоял за нашей кибиткой, — сказал папа, — и была ясная лунная ночь, и я посмотрел вверх и вдруг увидел, как с вершины холма сбегает кто-то невероятно

высокий. Он бежал вприпрыжку, гигантскими шагами, а за ним развевался чёрный плащ, как будто птичьи крылья. В одной руке у него был чемодан, а в другой — труба, и когда он добежал до высоченной живой изгороди на краю поля, то попросту через неё перешагнул.

— А ты испугался, папа?

— Нет, — ответил папа. — Только изумился. Это было странно, но не страшно. А теперь спи. Спокойной ночи!

Машины, воздушные змеи и воздушные шары

Папа был отличным механиком. Люди везли машины к нему на ремонт издалека, за много миль, вместо того чтобы завернуть в ближайшую ремонтную мастерскую. Папа любил моторы.

— Бензиновый двигатель — это чистое волшебство, — сказал он мне однажды. — Только представь: если взять тысячу разных металлических деталей, и соединить их особым образом, и накормить их маслом и бензином, и завести машину, то эти железяки вдруг оживают, начинают урчать, гудеть и реветь, и приводят в действие колёса, и те начинают крутиться с сумасшедшей скоростью...

Конечно же, я тоже влюбился в моторы и машины. Вы не забывайте, что мастерская стала моей комнатой для игр ещё до того, как я научился ходить, — а куда же ещё было папе меня девать, чтобы я не оставался без присмотра? В мастерской он мог целый день за мной приглядывать. Моими игрушками были промасленные шестерёнки, пружины и поршни, которых в гараже было полным-полно, и я вас уверяю, играть с ними было куда интереснее, чем с той пластиковой

ерундой, которую подсовывают детям в наши дни.

Так что учиться быть механиком я начал чуть ли не с рождения.

Но когда мне исполнилось пять, пришла пора задуматься о школе. По закону было положено в пять лет отправлять детей в школу, и папа это знал.

Я помню наш первый разговор про школу. Это было в мастерской, как раз в мой пятый день рождения. Я помогал папе менять тормозные накладки на заднем колесе большого форда.

— Хочешь узнать кое-что интересное, Данни? — спросил вдруг папа. — Ты легко можешь стать лучшим в мире пятилетним механиком.

Ничего приятнее я от него ещё не слышал. Я был невероятно польщён.

— Тебе ведь нравится эта работа? — спросил он. — Нравится возиться с моторами?

— Ужасно нравится! — сказал я.

Он повернулся, посмотрел мне в глаза и ласково положил руку на моё плечо.

— Я хочу, чтобы ты стал великим механиком. Я буду тебя учить. А когда ты вырастешь, ты, я надеюсь, станешь знаменитым инженером-конструктором — это человек, который придумывает новые, лучшие двигатели для автомобилей и самолётов. А для этого, — добавил он, — нужно очень хорошее образование. Но я пока не хочу отправлять тебя в школу. Буду сам тебя всему

учить, и в ближайшие два года ты научишься полностью разбирать и собирать небольшой двигатель, совершенно самостоятельно, без всякой помощи. А уж после этого сможешь пойти в школу.

Возможно, вы подумаете, что с папиной стороны это было безумие — делать из маленького ребёнка настоящего механика, но только ничего безумного в этом не было. Я схватывал всё на лету и обожал учиться. И, к счастью для нас, никто не стучал в нашу дверь и не осведомлялся, почему я не хожу в школу.

Два года пролетели быстро, и, верьте — не верьте, в семь лет я и вправду умел разбирать небольшой двигатель и собирать его снова. Разбирать — в смысле, разбирать полностью: поршни, коленвал и всё прочее до мельчайших деталей. Так что настало время идти в школу.

Школа моя была в ближайшей деревне, в двух милях от нас. Своей машины у нас не было. Мы не могли себе её позволить. Но до школы было всего полчаса ходу, и я был ни чуточки не против прогулок пешком. Папа ходил со мной. Он настоял на этом. А в четыре часа дня, когда уроки заканчивались, он уже поджидал меня, и мы вместе шли домой.

Так и текла наша жизнь. Мой мир состоял из автозаправки, мастерской, кибитки, школы и, конечно, ближних лесов, полей и ручьёв. Но мне никогда не бывало скучно. С моим папой вообще невозможно было

заскучать. Он был искромётный: замыслы, планы, идеи летели из него, как искры из-под точильного камня.

— Славный ветер сегодня, — сказал он однажды субботним утром. — В самый раз для воздушного змея. Давай сделаем змея, Данни!

И мы сделали змея. Папа научил меня, как соединить четыре тонких палочки в форме звезды, а поперёк вставить ещё две, как распорки. Потом мы разрезали его старую синюю рубашку и натянули ткань на каркас нашего змея. Потом приделали змею длинный хвост из нитки и навязали на неё в разных местах лоскутки — то, что осталось от рубашки. Мы нашли в мастерской моток бечёвки, и папа показал мне, как привязать её к каркасу, чтобы змей хорошо балансировал в полёте.

Мы с папой взяли нашего змея и поднялись на вершину холма, того, что прямо за заправкой. Мне с трудом верилось, что такая штуковина из палочек и обрывков старой рубахи способна летать. Я держал бечёвку, а папа держал змея — и в тот самый миг, когда он его отпустил, змей поймал ветер и взмыл ввысь, как гигантская синяя птица.

— Выпусти ещё бечёвку, Данни! — крикнул папа. — Давай! Сколько сможешь!

Змей поднимался всё выше и выше. Вскоре он превратился в крошечную синюю точку высоко-высоко в небе. Как здорово было стоять на вершине холма и держать в руках что-то такое далёкое и такое живое.

Это далёкое и живое натягивало бечёвку, билось, трепыхалось, как большая рыба.

— Давай поведём его домой, — сказал папа.

Мы стали спускаться с холма, и я по-прежнему держал бечёвку, а на другом её конце змей всё так же яростно рвался в небо. На подходе к кибитке мы очень внимательно следили, чтобы бечёвка не запуталась в яблоневетях.

— Привяжи его к лестнице, — сказал папа.

— И он будет держаться в воздухе? — спросил я.

— Будет, если ветер не утихнет, — ответил он.

Ветер не утих. И вы не представляете, что я вам сейчас расскажу. Наш змей продержался в воздухе всю ночь, и наутро, когда мы завтракали, синяя точка всё ещё плясала и пикировала в небе. После завтрака я спустил змея на землю и аккуратно повесил на стенке мастерской — на будущее.

Вскоре после этого, одним чудесным тихим вечером, когда не было даже малейшего дуновения ветерка, папа сказал:

— Сегодня отличная погода для воздушного шара. Давай сделаем шар!

Папа наверняка запланировал это заранее, потому что, как выяснилось, он уже побывал в деревне в книжной лавке мистера Виттона и купил четыре больших листа папиросной бумаги и большую банку клея. Не прошло и пятнадцати минут, как с помощью

всего лишь бумаги, клея, ножниц и куска тонкой проволоки он смастерил мне великолепный громадный воздушный шар. Он прицепил к нему снизу ватный комок, заткнул им отверстие — и воздушный шар был готов к запуску.

Когда мы вынесли его в поле за кибиткой, уже темнело. У нас с собой была бутылка денатурированного спирта и спички. Я высоко поднял шар, а папа присел под ним на корточки и тщательно пропитал спиртом ватный комок.

— Ну вот, — сказал он и поднёс к вате зажжённую спичку. — Крепко держи его с боков, Данни!

Из ваты вырвался столб жёлтого пламени — прямо в шар.

— Он же загорится! — выкрикнул я.

— Нет, — ответил папа. — Смотри!

Мы с двух сторон изо всех сил растягивали края воздушного шара, чтобы удержать их подальше от пламени, пока оно разгоралось. Но вскоре весь шар наполнился горячим воздухом, и опасность миновала.

— Почти готово! — сказал папа. — Чувствуешь, как он хочет взлететь?

— Да! — ответил я. — Да! Отпустим его?

— Пока нет. Погоди немного. Пусть он начнёт вырываться.

— Он уже вырывается! — сказал я.

— Пора! — крикнул папа. — Отпускаем!

Медленно, величественно и в абсолютной тишине наш чудесный шар поплыл в ночное небо.

— Летит! — заорал я, захлопал в ладоши и запрыгал. — Летит! Летит!

Папа был почти в таком же восторге, как я.

— Красавец, — сказал он. — Настоящий красавец. Никогда не знаешь, какими они будут, пока не запустишь. Не бывает двух одинаковых.

Шар поднимался всё выше, всё быстрее. Он был похож на волшебную шаровую молнию.

— А другие его увидят? — спросил я.

— Наверняка увидят, Данни. Он так высоко, что его должно быть видно на много миль вокруг.

— А они подумают, что это... что?

— Летающая тарелка, — сказал папа. — И вызовут полицию.

Лёгкий порыв ветра подхватил наш шар и понёс его в направлении деревни.

— Бежим за ним, — сказал папа. — Если нам повезёт, увидим, как он приземляется.

Мы побежали к дороге. Потом по дороге. Мы бежали и бежали.

— Садится! — крикнул папа. — Огонь почти погас!

Когда огонь погас, мы потеряли наш шар из виду, но примерно прикинули, на какое поле он сядет. Мы перелезли через ограду и помчались к тому месту. С полчаса мы впотьмах обыскивали поле, но шар так и не нашёлся.

На следующее утро я пошёл искать его один. Обыскал четыре больших поля и наконец нашёл. Шар лежал на краю поля, где паслось видимо-невидимо чёрно-белых коров. Коровы обступили шар и смотрели на него огромными влажными глазами. Но они его не тронули. Так что я принёс его домой и подвесил рядом с воздушным змеем, на стене в мастерской, — на будущее.

— Ты можешь запускать змея и один, когда захочешь, — сказал папа. — А вот шар — нет. Это очень опасно. Шар можно запускать только со мной.

— Хорошо, — сказал я.

— Пообещай мне, что никогда и ни за что не будешь запускать шар в одиночку, Данни.

— Обещаю, — сказал я.

А ещё у нас был дом на дереве. Мы построили его на верхушке большого дуба, что рос в дальнем конце нашего поля.

А ещё был лук со стрелами. Лук был из молодого ясеня, длиной в четыре фута, а оперение стрел сделали из хвостовых перьев куропатки и фазана.

И были ходули, на которых я сразу вырос до десяти футов.

И бумеранг, который почти всегда возвращался и падал к моим ногам.

Но подарок на день рождения был даже лучше всего этого. Перед днём рождения мне целых два дня было запрещено заходить в мастерскую, потому что папа готовил сюрприз. И наутро в день рождения я увидел сногшибательную машину из четырёх велосипедных колёс и нескольких коробок из-под мыла. Это была не какая-нибудь таратайка: у машины была педаль тормоза, руль, удобное сиденье и мощный передний бампер на случай аварии.

Я назвал её «Мыльный Пузырь» и чуть ли не каждый день поднимал на вершину нашего холма, что в поле за автозаправкой, а потом мчался вниз, развивая бешеную скорость, как мустанг в прерии.

Так что сами понимаете, как весело было мне, восьмилетнему, жить с папой. Но я никак не мог дождаться, когда мне исполнится девять. Я прикинул, что в девять лет будет ещё веселее, чем в восемь.

Как выяснилось, я был не вполне прав.

Девятый год моей жизни оказался несомненно интереснее всех остальных. Но далеко не всё, что произошло в тот год, можно описать словом «весело».

Папина страшная тайна

На этом рисунке мне девять. Он сделан как раз перед тем, как началось самое интересное, поэтому я тут спокоен и безмятежен.

С годами вы поймёте, как понял в ту осень я, что ни один папа не совершенен. Взрослые — существа сложные, у них полно причуд и секретов. У некоторых причуды особенно причудливы, а секреты особенно секретны, но у всех взрослых, в том числе и у ваших собственных родителей, имеется парочка

особых тайных привычек, и вы бы ахнули, если бы узнали о них.

В остальной части этой книги речь пойдёт об очень особой и очень тайной привычке моего папы и о странных приключениях, в которые она втянула нас обоих.

Всё началось одним субботним вечером. Это была первая суббота сентября. Часов в шесть мы с папой, как обычно, поужинали. Потом я лёг спать. Папа рассказал мне чудесную сказку и поцеловал на ночь. И я уснул.

Посреди ночи я почему-то проснулся. Я лежал не шевелясь, пытаюсь расслышать папино дыхание. Но с верхней койки не доносилось ни звука. Папы там явно не было. А это означало, что он пошёл в мастерскую заканчивать какую-то работу. Он часто так делал после того, как меня уложит.

Я ждал, не донесётся ли из мастерской знакомое звяканье металла о металл или постукивание молотка. Эти ночные звуки всегда были для меня великим утешением, потому что они означали, что папа рядом, близко.

Но в ту ночь из мастерской не слышалось ни единого звука. На автозаправке стояла полная тишина.

Я выбрался из койки и нашёл возле раковины коробок спичек. Зажёг спичку и поднёс её к нашим смешным стареньким часам, что висели на стене над чайником. На часах было десять минут двенадцатого.

Я подошёл к двери кибитки.

— Папа, — позвал я негромко. — Папа, ты там?

Ответа не было.

За дверью, футах в четырёх над землёй, у нас была узкая дощатая площадка — что-то вроде крылечка.

Я стоял на ней и озирался.

— Папа! — снова позвал я. — Ты где?

По-прежнему тишина.

В пижаме, босиком я спустился по дощатым ступенькам, прошлёпал в мастерскую и включил свет. Старая машина, с которой мы провозились весь день, стояла на месте. А папы не было.

Я уже говорил вам, что у нас не было своей машины, стало быть, никуда уехать он не мог. Да и не стал бы. Я был уверен, что папа ни за что по доброй воле не оставил бы меня на автозаправке ночью одного.

А значит, думал я, он внезапно заболел какой-то страшной болезнью и потерял сознание, или упал и разбил себе голову.

Чтобы его найти, мне нужен светильник. Я взял фонарик с верстака в мастерской.

Я поискал в конторе. Потом за конторой. И за мастерской.

Я побежал по полю к туалету. Там тоже было пусто. — Папа! — крикнул я во тьму. — Папа! Где ты?

Я вернулся в кибитку и осветил фонариком папину койку, чтобы окончательно убедиться, что его там нет.

И его там не было.

Я стоял в тёмной кибитке, и в первый раз в жизни меня охватила паника. До ближайшей фермы было далеко. Я взял своё одеяло и набросил на плечи. Потом вышел за дверь и сел на крылечко, поставив ноги на верхнюю ступеньку лестницы. В небе сиял молодой месяц, по ту сторону дороги раскинулось залитое лунным светом поле, бледное и пустынное. Повсюду стояла мёртвая тишина.

Не знаю, долго ли я так просидел. Может, час, может, два. Но я ни на миг не сомкнул глаз. Я всё время вслушивался. Если слушать очень внимательно,

думал я, то можно услышать что-то такое, что подскажет мне, где папа.

Наконец откуда-то издалека донёлся еле слышный звук шагов по дороге.

Шаги приближались.

Топ... топ... топ... топ...

Это он? Или кто-то другой?

Я замер. Я всматривался в дорогу до боли в глазах, но дорога таяла в лунно-туманном сумраке.

Топ... топ... топ... топ...

Наконец из тумана показалась фигура.

Это был он!

Я спрыгнул со ступенек и понёсся ему навстречу.

— Данни! — вскрикнул папа. — Что такое?

— Я думал, с тобой случилось что-то ужасное, — сказал я.

Он взял меня за руку и молча повёл обратно в кибитку. Там он уложил меня в койку, укрыл и подоткнул одеяло.

— Прости меня, — сказал он. — Я не должен был так поступать. Но ты ведь обычно не просыпаешься, правда?

— Куда ты ходил, папа?

— Ты, наверно, устал, — сказал он.

— Я ни чуточки не устал. А можно ненадолго зажечь лампу?

Папа поднёс спичку к фитилю лампы, свисавшей с потолка. Вспыхнул жёлтый огонёк и озарил нутро

кибитки бледным светом.

— Хочешь попить чего-нибудь горячего? — спросил он.

— Да, спасибо.

Он зажёл керосинку и поставил чайник.

— Всё, — сказал он, — я решил. Сейчас я открою тебе самую страшную тайну всей моей жизни.

Я сидел в койке, не сводя с него глаз.

— Ты спросил, где я был, — сказал он. — По правде говоря, я был в Фундукковом лесу.

— В Фундукковом лесу? — изумился я. — До него же много миль!

— Шесть с половиной, — уточнил папа. — Я знаю, мне не надо было уходить так далеко, и я очень, очень виноват, но меня потянуло туда со страшной силой, и я не устоял... — Его голос дрогнул.

— Но с чего вдруг тебя потянуло в такую даль?

Папа насыпал в две кружки какао-порошок и сахар. Он делал это очень медленно, разравнивая содержимое каждой ложки, как будто взвешивал лекарство.

— Ты знаешь, что такое браконьерство? — спросил он.

— Браконьерство? Нет, не знаю.

— Это когда идёшь тёмной ночью в лес и возвращаешься с добычей. Браконьеры добывают самую разную дичь, но в наших краях это обычно фазаны.

— Ты хочешь сказать, что браконьеры их *воруют*? — спросил я в ужасе.

— Мы смотрим на это иначе, — сказал папа. — Браконьерство — это охота, а охота — это искусство. Великий охотник — это великий художник.

— Так ты *это* делал в Фундукковом лесу? — спросил я. — Воровал фазанов? Да, папа?

— Я совершенствовался в искусстве, — сказал он. — В искусстве браконьерства.

Я был потрясён. Мой родной отец — вор?! Этот милый, добрый человек? Я не мог поверить, что он украдкой пробрался в чужой лес и похищает чужих ценных птиц.

— Чайник вскипел, — сказал я.

— И правда. — Он разлил кипяток по кружкам и принёс мне мою. Потом ходил за своей кружкой и сел с ней на край моей койки.

— Твой дедушка, — сказал он, — мой собственный папаша, был изумительным и поразительным браконьером. Он-то и обучил меня этому искусству. В десять лет я подхватил от него браконьерскую лихорадку и так с тех пор и не вылечился. Заметь, в те годы едва ли не каждый мужчина в нашей деревне ходил ночью в лес на фазанов. И не только из любви к охоте, но и чтобы прокормить семью. Когда я был маленький, времена для большинства англичан были плохи. Работы было совсем мало, некоторые семьи буквально голодали. А за несколько миль, в лесу богача, фазанов кормили по-королевски, два раза в день. Так можно ли

винить моего папу за то, что он изредка, время от времени, приносил семье птичку-другую?

— Нет, — ответил я. — Конечно нет. Но мы-то не гоним, папа.

— Ты не понял, Данни, мой мальчик! Ты не понял главного! Браконьерство — это такое сказочное, такое восхитительное увлечение, что стоит начать, как оно входит в твою кровь, и ты уже не можешь бросить. Только представь, — сказал он, вскакивая с койки и потрясая кружкой, — только вообрази на минутку, что ты один в тёмном лесу, где полным-полно егерьей, все они прячутся за деревьями, и у каждого — ружьё...

— Ружьё! — задохнулся я. — Не может быть!

— У всех егерьей есть ружья, Данни. Потому что в лесу водятся хищники, которые охотятся на фазанов: лисы, горностаи, ласки. Но и в браконьера егерь пальнёт без лишних слов, если, конечно, его заметит.

— Папа, ты шутишь!

— Вовсе нет. Кстати, егеря стреляют только со спины. Только когда ты пытаешься убежать. Они обожают палить дробью по ногам ярдов с пятидесяти.

— Они не имеют права! — крикнул я. — За это можно попасть в тюрьму!

— За браконьерство тоже можно попасть в тюрьму, — сказал папа. В глазах его сверкнула такая искра, какой я раньше не видел. — Когда я был маленьким, Данни, то не раз и не два видел поздним вечером в кухне такую

картину: мой папаша лежит ничком на столе, а маманя склонилась над ним и выковыривает у него из мягкого места дробинки. Ножиком для чистки картошки.

— Не может быть! — Я захихикал.

— Ты мне не веришь?

— Верю, верю!

— Папин зад был весь в белых шрамиках, как в снежинках.

— Не знаю, почему я смеюсь, — сказал я. — На самом-то деле это не смешно, это страшно.

— Так и говорили — «браконьерский зад», — продолжал папа. — Во всей деревне не было ни одного мужчины, кому не досталось дрови. Но папа, конечно, был чемпион. Как тебе какао?

— Вкусно, спасибо.

— Если хочешь есть, можем устроить полуночный пир, — сказал он.

— Честно, пап?

— Конечно.

Он принёс хлебницу с хлебом, масло и сыр и начал делать бутерброды.

— Эти их сезоны охоты на фазанов, — сказал он, — одно большое надувательство. Во-первых, этим занимаются только богачи. Только они могут позволить себе выращивать фазанов исключительно ради того, чтобы потом в них стрелять. Эти богатенькие идиоты каждый год покупают на фермах фазанят за огромные

деньжищи и растят их в загонах, а когда те подрастут — выпускают в лес.

В лесу молодые фазаны держатся стайками, как цыплята. Егеря их охраняют, кормят два раза в день отборной кукурузой, пока те не разжиреют настолько, что еле-еле могут взлетать. И тогда нанимают загонщиков. Загонщики идут по лесу, хлопают в ладоши, горлопанят, поднимают дикий шум, чтобы согнать этих полуручных фазанов туда, где их поджидают эти слабые с ружьями. Пиф-паф — и фазан камнем падает вниз. Намазать тебе бутерброд клубничным джемом?

— Да, пожалуйста, намажь, — сказал я. — Один

с джемом и один с сыром. Но, папа...

— Что?

— А ты-то сам как охотишься на фазанов, когда браконьерствуешь? У тебя где-то там припрятано ружьё?

— Ружьё? — в негодовании воскликнул он. — Настоящие браконьеры в фазанов не стреляют, Данни, ты не знал? В этом лесу даже из игрушечного пистолетика с пистонами не выстрелить — сразу набегут егеря.

— Тогда как же...

— Ну-у-у, — протянул папа.

Он полуприкрыл глаза, и вид у него сделался загадочный. Он медленно, толстым слоем, намазывал на хлеб клубничный джем.

— Вообще-то это большой секрет, — сказал он наконец. — Очень большой. Но если мой папа мне его открыл, то, думаю, и я могу открыть его тебе. Хочешь?

— Да, — сказал я. — Очень. Прямо сейчас.

Тайные методы

— Все лучшие способы ловли фазанов, — сказал папа, — открыты моим папашей. Папаша подходил к браконьерству как настоящий учёный.

Он положил мои бутерброды на тарелку и принёс мне в койку. Я поставил тарелку на колени и начал есть. Голоден я был страшно.

— Начнём с того, что мой папаша в экспериментальных целях держал у себя на заднем дворе целую стаю превосходных петухов, — сказал папа. — Петух — это, по сути, тот же фазан. Такой же глупый, и питается тем же. Только более ручной. Так что всякий раз, когда папаша изобретал новый метод ловли фазанов, он испытывал его на петухе.

— И какие методы самые лучшие? — спросил я.

Папа положил недоеденный бутерброд на край раковины и секунд двадцать молча и пристально смотрел на меня.

— Дай честное слово, что не расскажешь ни одной живой душе.

— Честное слово!

— Тогда слушай, — сказал он. — Вот первый секрет.

Верней, Данни, это больше, чем секрет. Это самое важное открытие за всю историю браконьерства.

Он подался ко мне. В бледно-жёлтом свете лампы, свисавшей с потолка, лицо его тоже было бледным, но глаза блестели, как звёзды.

— Слушай же, — сказал он вдруг совсем другим голосом — вкрадчивым, шелестящим и очень таинственным. — *Фазаны*, — прошептал он, — *помешаны на изюме*.

— Это и есть большой секрет?

— Именно, — сказал он. — Может, звучит и смешно, но поверь, это чистая правда.

— Изюм?

— Самый обычный изюм. У них что-то вроде *мании*. Бросаешь в стаю фазанов горсть изюма — и у них начинается страшная драка за каждую изюмину. Мой папаша открыл это сорок лет назад. И тогда же сделал прочие свои открытия, о которых я тебе сейчас расскажу.

Папа прервался и оглянулся через плечо, словно хотел удостовериться, что никто не подслушивает под дверью кибитки.

— Метод номер один, — сказал он тихо, — носит название «Капкан “Конский волос”».

— «Конский волос», — эхом прошептал я.

— Именно, — подтвердил папа. — Величие этого метода состоит в том, что он абсолютно тихий. Если поймать фазана методом «Капкан “Конский волос”», никто не услышит ни писка, ни хлопанья крыльев, ни других звуков. И это невероятно важно, потому что, Дани, не забывай: ночью в лесу, когда высоченные деревья, словно чёрные призраки, простирают над тобой ветви, кругом так тихо, что слышен каждый мышинный шорох. И где-то в этой тишине затаились егеря и вслушиваются. Они всегда начеку, эти егеря. Стоят, прижавшись к стволу дерева, или сидят за кустом с ружьём наизготовку.

— Что это за метод? — спросил я. — Как он работает?

— Очень просто, — сказал папа. — Сперва берёшь несколько изюмин, замачиваешь их на ночь, чтобы они разбухли и стали мягкими и сочными. Потом берёшь хороший, прочный конский волос и нарезаешь его отрезками длиной в полдюйма.

— Конский волос? А где его берут?

— Известно где — в конском хвосте. Это нетрудно, главное — стоять сбоку, чтобы конь тебя не лягнул.

— А дальше? — спросил я.

— Значит, нарезаешь на кусочки длиной в полдюйма. Потом берёшь один такой отрезок и продеваешь в изюмину, прямо в серединку, так, чтобы конский волос торчал с обеих сторон. Вот и всё. Ты готов к ловле фазана.

Если хочешь поймать не одного, а больше, — готовь больше изюма. Вечером ты пробираешься в лес — только надо прийти до того, как фазаны разлетятся по деревьям спать. Рассыпаешь изюм и ждёшь. Очень скоро появится фазан и склюёт изюминку.

— И что тогда?

— В этом-то и состоит открытие моего папаши, — ответил папа. — Сначала изюмина застревает в фазаньей горле — из-за конского волоса. Фазану не больно. Изюмина просто торчит там и щекочет ему горло. Как если бы у тебя в горле застряла хлебная крошка. Но после этого, хочешь верь, хочешь нет, *у фазана отнимаются ноги!* Он словно пригвождён к месту. Стоит, дёргает головой, как насосом, вверх-вниз, так что тебе только и остаётся, что выскользнуть из укрытия и сунуть его в мешок.

— Папа, это правда?

— Клянусь, — ответил папа. — Как только фазан попался в капкан «Конский волос», он не сдвинется с места, хоть ты направь на него струю воды из шланга. Такая вот необъяснимая особенность. Почему,

отчего — неизвестно. Казалось бы, пустяк, но попробуй до такого додуматься!

Папины глаза светились гордостью. Он немного помолчал, погружившись в воспоминания о своем отце, великом браконьере-изобретателе.

— Итак, это был метод номер один, — сказал он наконец.

— А метод номер два? — спросил я.

— О, метод номер два — это истинная красота. Это вспышка чистого гения. Я помню даже день, когда он был изобретён. Мне было примерно столько лет, сколько тебе сейчас.

Воскресное утро. На пороге кухни появляется папа

с громадным белым петухом в руках. «Кажется, я понял», — говорит он. На губах у него играет улыбка, во взгляде ликование. Он стремительно входит в кухню и ставит петуха в центр стола. «Нет, ей-богу! На этот раз просто отлично». — «Отлично что? — спрашивает маманя, поворачиваясь к нему от раковины. — Гораций, ну-ка убери с моего стола эту грязную птицу!»

Голова петуха упрятана в смешной бумажный колпачок, вроде перевёрнутого вафельного конуса для мороженого. Папаша гордо показывает на него и говорит: «Стукни-ка его. Ну же, давай. Сделай с ним что-нибудь, что хочешь. Он не шелохнётся». Петух задирает ногу и пробует сбить колпачок, но тот словно прирос. «Ни одна птица в мире, — продолжает папаша, — не убежит, если ей закрыть глаза». Он тычет в петуха пальцем, толкает его во все стороны. Петух не обращает на это ни малейшего внимания. «Можешь его взять, — говорит папаша маме. — Можешь взять и свернуть ему шею, и приготовить его на обед в честь моего изобретения». И он тут же берёт меня за локоть, быстро выводит из кухни, и мы идём через поля в большой лес по другую сторону Литл-Хамдена, лес этот тогда принадлежал герцогу Бэкингему. Не проходит и двух часов, как мы обзаводимся пятёркой славных жирных фазанов, без всякого труда, как если б купили их в магазине.

Папа перевёл дыхание. Глаза его ярко сверкали,

взгляд их был обращён в прошлое, в чудесные времена его детства.

— Но папа, — сказал я, — как же надеть фазану на голову бумажный колпак?

— Ты ни за что не угадаешь, Данни.

— Ты мне расскажи!

— Слушай внимательно, — сказал он и снова оглянулся через плечо, как будто ожидал увидеть на пороге нашей кибитки егеря или самого герцога Бэкингема. — Вот как это делается.

Во-первых, роешь маленькую ямку. Во-вторых, берёшь листок бумаги, сворачиваешь в конус и вставляешь в эту ямку, отверстием вверх, как стаканчик. В-третьих, смазываешь внутренности этого стаканчика клеем и бросаешь туда несколько изюмин. И прокладываешь к этой яме изюмную дорожку.

Что делает глупый фазан? Он склёвывает твою дорожку, подбирается к яме, суёт туда голову, чтобы полакомиться изюмом, и хоп! — бумажный колпак приклеился к голове, и глупый фазан ничего не видит. Разве не гениально, Данни? Папаша прозвал этот метод «Липучий колпак».

— Ты сегодня его и применил? — спросил я.

Папа кивнул.

— И скольких ты поймал? — спросил я.

— Ну-у... — смущённо протянул папа. — Вообще-то ни одного. Я слишком поздно пошёл. Когда я добрался, фазаны уже дремали на деревьях. Так что, сам понимаешь, навык я утратил.

— Но тебе всё равно понравилось?

— Это было прекрасно, — сказал он. — Абсолютно великолепно. Как в старые добрые дни.

Папа переоделся в пижаму. Потом прикрутил свисавшую с потолка лампу и залез на свою койку.

— Пап, — шепнул я.

— Что?

— А ты часто так уходил, когда я засыпал?

— Нет, — ответил он. — Сегодня был первый раз за все твои девять лет. Когда твоя мама умерла и мы с тобой остались вдвоём, я дал зарок бросить браконьерство, пока ты не вырастешь настолько, что тебя можно будет оставлять ночью одного. И сегодня я впервые нарушил свой обет. Мне так захотелось в лес, что я просто не мог противиться этому порыву. Прости меня, мне стыдно.

— Если ты когда-нибудь снова захочешь пойти, я не буду возражать, — сказал я.

— Правда? — оживился он. — Точно?

— Да, — сказал я. — Если ты предупредишь заранее. Ты обещаешь предупреждать меня заранее, если соберёшься уходить?

— А ты уверен, что не будешь против?

— Уверен.

— Хороший мой мальчик, — сказал он. — И тогда, стоит только тебе пожелать, у нас будет на ужин жареный фазан. Это в сто раз вкусней, чем курица.

— А ты когда-нибудь возьмёшь меня с собой, пап?

— Ну... По-моему, ты ещё маловат шастать в потёмках. Не хочу, чтобы тебе засадили дробью в мягкое место. В твоём-то возрасте.

— Твой папа тебя брал, когда тебе было столько, сколько мне, — сказал я.

Повисла пауза.

— Поглядим, — сказал папа. — Но сперва мне надо хорошенько попрактиковаться, понимаешь?

— Да, — сказал я.

— Я не хочу брать тебя с собой, пока не приду в форму.

— Конечно, — сказал я.

— А теперь пора спать. Спокойной ночи, Данни.

— Спокойной ночи, папа.

Мистер Виктор Фундукк

В следующую пятницу, когда мы ужинали у себя в кибитке, папа сказал:

— Если ты не против, Данни, завтра ночью я снова отлучусь.

— В смысле, за фазанами?

— Да.

— Опять в Фундукков лес?

— Всегда в Фундукков лес, — сказал он. — Во-первых, все фазаны именно там. А во-вторых, мне в радость поохотиться на птичек мистера Фундукка. Больно уж он мне не нравится.

Здесь я должен прерваться и кое-что рассказать вам про мистера Виктора Фундукка. Он был пивоваром, владельцем гигантской пивоварни. Богат он был баснословно, и его владения простирались на много миль по всей долине. Вся земля вокруг нас, по обе стороны дороги, принадлежала ему, не считая того клочка, на котором стояла наша автозаправка. Этот клочок принадлежал папе. Крошечный островок в океане владений мистера Фундукка.

Мистер Виктор Фундукк был всем снобам сноб

и отчаянно стремился водить знакомство с «правильными» людьми. Он устраивал псовую охоту, закатывал головокружительные балы и носил затейливые жилеты.

Каждый уик-энд он проносился в своём здоровушем серебристом роллс-ройсе мимо нашей заправки на свою пивоварню. Иногда мы успевали заметить над рулём его лоснящееся пивное лицо, розовое как ветчина, обрюзглое из-за чрезмерной любви к пиву.

— Да, — подтвердил папа, — мистер Виктор Фундукк мне ни чуточки не нравится. Я не забыл, как он вёл себя с тобой в прошлом году, когда приезжал запрапляться.

Я тоже не забыл. Мистер Фундукк тогда припарковался у насосов в своём блестящем сверкающем роллс-ройсе и сказал мне:

— Заправь-ка мне машину, да поживее!

Мне тогда было восемь лет. Он не вышел из машины, только протянул мне ключ от бензобака и прорычал:

— И держи свои грязные ручонки подальше от неё, понял?

Я не понял, поэтому спросил:

— В каком смысле, сэр?

На сиденье рядом с ним лежал кожаный хлыст. Он взял его и нацелил на меня, как пистолет.

— Если на краске останутся отпечатки твоих грязных пальцев, — сказал он, — я выйду из машины и тебя вздую.

Не успел он договорить, как папа выбежал из мастерской. Он широкими шагами подошёл к автомобилю,

положил руки на опущенное стекло и заглянул внутрь.

— Мне не нравится, как вы разговариваете с моим сыном, — сказал он пугающе тихим голосом.

Мистер Фундукк не смотрел на него. Он сидел за рулём своего роллс-ройса очень прямо, его крошечные свинные глазки неотрывно смотрели вперёд. В уголках губ застыла самодовольная надменная ухмылка.

— У вас не было причины ему угрожать, — продолжал папа. — Он не сделал ничего дурного.

Мистер Фундукк по-прежнему делал вид, будто папы тут не было.

— В следующий раз, когда вам вздумается кого-то вздуть, — сказал папа, — предлагаю выбирать из тех, кто одного с вами роста. Вроде меня.

Мистер Фундукк не шелохнулся.

— А теперь, будьте добры, езжайте своей дорогой, — сказал папа. — Мы не желаем вас обслуживать.

Он взял у меня из рук ключ от бака и бросил в окно. Роллс-ройс рванул с места, подняв облако пыли.

На следующий же день к нам явился инспектор из местного отдела здравоохранения и сказал, что пришёл проверить нашу кибитку.

— На что вы хотите её проверить? — спросил папа.

— На пригодность в качестве человеческого жилья, — сказал тот. — В наши дни людям запрещается жить в грязных развалюхах.

Папа проводил его в кибитку, где было, как всегда, безупречно чисто и уютно, и в конце концов проверяльщик вынужден был признать, что придраться не к чему.

Вскоре после этого появился другой инспектор и взял пробу бензина из одной из наших подземных цистерн. Папа объяснил мне, что они хотят проверить, не подмешиваем ли мы второсортный бензин к первосортному — старый трюк, к которому прибегают нечестные заправщики. Мы, разумеется, ничего подобного не делали.

С тех пор не было недели, чтобы к нам не наведалься с очередной проверкой какой-нибудь местный чиновник. Ясно, сказал папа, что всем этим заправляет длинная волосатая лапа мистера Фундукка, задумавшего выжить нас с нашей земли.

В общем, теперь вы понимаете, почему охота на фазанов мистера Виктора Фундукка доставляла папе особое удовольствие.

В тот вечер мы замочили изюм.

Следующий день идеально подходил для браконьерства, и мой папа всё время об этом помнил, можете не сомневаться. Лихорадочное волнение нарастало в нём с самого утра. Была суббота, в школу идти было не нужно, и мы почти весь день провели в мастерской, где очищали от нагара цилиндры «Остина-7» мистера Пратчетта. Это была отличная машинка 1933 года выпуска, малюсенькое чудо, которое бегало всё так же резво, как сорок с лишним лет назад. Папа сказал, что «семёрка» — раньше её называли «крошка Остин» — была первым успешным миникаром в истории. Мистер Пратчетт, владелец индюшиной фермы близ Эйлсбери, страшно гордился своей «семёркой» и всегда привозил её к нам на ремонт.

Мы с папой вместе ослабили пружины и вытащили клапана. Потом отвинтили гайки головки цилиндра и сняли её. Потом начали соскабливать нагар изнутри головки и с верхней части поршней.

— Я хочу выйти не позже шести, — сказал папа. — Тогда я доберусь до леса как раз в сумерки.

— А почему надо в сумерки? — спросил я.

— Потому что в сумерках всё в лесу делается расплывчатым и туманным. Тебе ещё видно, куда идти, но разглядеть тебя самого не так-то просто. И когда угрожает опасность, всегда есть где укрыться — в тени в этот час темнее, чем в волчьей пасти.

— А почему ты не дождёшься полной темноты? — спросил я. — Тогда тебя вообще не будет видно.

— В полной темноте никого не поймаешь, — сказал папа. — Когда приходит ночь, все фазаны взлетают на деревья и устраиваются на ночлег. Фазаны, как все птицы, никогда не спят на земле. Им нужен насест. На этой неделе, — добавил он, — смеркается примерно в полвосьмого. До леса идти часа полтора, не меньше, поэтому мне надо выйти не позже шести.

— А что ты выбрал, «Липучий колпак» или «Конский волос»?

— «Липучий колпак», — сказал папа. — Очень уж он мне нравится.

— Когда ты вернёшься?

— Около десяти, — сказал он. — Самое позднее — в пол-одиннадцатого. Не позже, я обещаю. Ты уверен, что согласен остаться один?

— Уверен, — сказал я. — Но с тобой ничего не случится, правда, папа?

— Не беспокойся обо мне, — сказал он и обнял меня за плечи.

— Но ты говорил, что в деревне твоего папы не было ни одного мужчины, которому рано или поздно не досталась бы порция дрови от егерей?

— М-да. Я так говорил? Да, точно, говорил. Дело в том, что в те дни егерей в лесах было куда больше, чем сейчас. Тогда чуть ли не за каждым деревом стоял егерь.

— А сейчас их сколько в лесу у Фундукка?

— Не очень много, — сказал он. — Совсем немного.

Чем ближе был вечер, тем труднее было папе усидеть на месте. Я видел, как он взволнован. К пяти часам мы закончили с крошкой Остином и погоняли на нём по дороге туда-сюда, проверяя плоды своих трудов.

В пять тридцать, раньше обычного, мы поужинали сосисками и беконом, но папе явно не лез кусок в горло.

Ровно в шесть часов он поцеловал меня на прощанье и сказал:

— Данни, обещай, что не будешь меня дожидаться. В восемь ложись в кровать и засыпай, хорошо?

Он двинулся по дороге, а я стоял на крыльце кибитки и смотрел ему вслед. Мне нравилась его походка. Это были широкие, слегка вприпрыжку, шаги сельского жителя, привыкшего преодолевать пешком большие расстояния. На папе был старый тёмно-синий свитер и ещё более старая кепка. Он обернулся и помахал мне. Я помахал в ответ. И он скрылся за поворотом.

Крошка Остин

Дома в кибитке я встал на стул и зажёл лампу. У меня было домашнее задание на выходные — так почему бы не сделать его сейчас? Я раскрыл учебники и сел за стол. Но оказалось, что я совсем не могу сосредоточиться.

На часах было полвосьмого. Время сумерек. Папа уже там. Я представил, как он в своём старом тёмно-синем свитере и в кепке мягкими, неслышными шагами идёт по тропе, приближаясь к лесу. Он сказал мне, что надевает этот свитер, потому что тёмно-синий цвет почти неразличим в темноте. Чёрный ещё лучше, сказал он. Но чёрного свитера у него нет, а тёмно-синий цвет почти не уступает чёрному. Кепка — это тоже важно, объяснил он, потому что козырёк отбрасывает тень на лицо. Прямо сейчас папа, должно быть, пробирается сквозь живую изгородь и входит в лес. Я так и видел, как он крадётся по лесу, усыпанному листьями, останавливается, вслушивается, снова крадётся и всё время озирается в поисках егеря, который застыл с ружьём наизготовку, прижавшись к стволу большого дерева. Папа говорил мне, что егеря, когда высматривают браконьеров, стоят замерев и как бы сливаясь со стволом.

Нелегко заметить неподвижную фигуру в сумерках, когда в тени темнее, чем в волчьей пасти.

Я захлопнул учебники. Нечего было и пытаться. Я решил отправиться спать. Я переоделся в пижаму и улёгся в койку. Лампу гасить я не стал и вскоре уснул.

Когда я снова открыл глаза, лампа всё ещё горела, а часы на стене показывали десять минут третьего.

Десять минут третьего!

Я спрыгнул с койки и заглянул наверх, на папину. Она была пуста.

Он обещал быть дома самое позднее в десять тридцать. А папа всегда держит слово.

Он должен был вернуться почти четыре часа назад!

Пугающее чувство неотвратимости охватило меня. На этот раз с папой произошло что-то по-настоящему страшное. Я был в этом уверен.

Держись, приказал я себе. Не впадай в панику. На прошлой неделе ты запаниковал и повёл себя как дурачок.

Да, но на прошлой неделе всё было иначе. На прошлой неделе он мне ничего не обещал. А в этот раз он сказал: «Вернусь самое позднее в пол-одиннадцатого». Так и сказал, слово в слово. А папа никогда, абсолютно никогда не нарушал своих обещаний.

Я снова глянул на часы. Папа ушёл из дома в шесть, а это значит, что *его нет уже больше восьми часов!*

На то, чтобы принять решение, у меня ушло две секунды.

Я очень быстро сбросил пижаму и натянул рубашку и джинсы. Может быть, егеря тяжело ранили его, и он не может ходить. Я натянул через голову свитер. Не тёмно-синий и не чёрный, а такой, бледно-коричневый. Сойдёт, ничего не поделаешь. Может быть, он лежит в лесу, истекая кровью. Кеды мои тоже были неподходящего цвета. Они были белые. Но при этом они были грязные, что резко уменьшало их белизну. Сколько мне идти до леса? Полтора часа. Если почти всю дорогу бежать, тогда меньше, но не намного. Нагнувшись завязать шнурки, я заметил, что у меня дрожат руки. И в животе противно покалывало, как будто там было полно крошечных иголок.

Я спустился вниз и понёсся в мастерскую за фонариком. Когда ты ночью один отправляешься в путь, фонарик — самый подходящий спутник. Я схватил его и вышел из мастерской. У насосов я замедлил шаг. Луна уже давно скрылась, но небо было ясное, и у меня над головой кружили мириады звёзд. Ветра не было совсем, ни дуновения. Справа уходила во тьму одинокая дорога, которая вела в полный опасностей лес.

Шесть с половиной миль.

Слава небесам, что я знал, куда идти.

Но путь предстоял долгий и трудный. Нужно идти размеренным шагом, чтобы не загнать себя

на первой же миле.

И в этот миг мне пришла в голову дикая и прекрасная мысль.

Почему бы не поехать на крошке Остине?

Водить машину я умел. Папа всегда разрешал мне садиться за руль автомобилей, которые пригоняли к нам на ремонт, заводить их в мастерскую, а потом выкатывать обратно. А иногда я на каком-нибудь из них медленно, на первой скорости, объезжал вокруг насосов. Мне это нравилось. Конечно, на машине я доберусь в лес намного быстрее. Это же чрезвычайная ситуация. Если папа ранен и истекает кровью, то каждая минута на счету. Я ещё никогда не водил машину по дороге, но в этот ночной час я наверняка не встречу других автомобилей. Я поеду очень медленно, по правильной стороне дороги, и буду держаться как можно ближе к живой изгороди.

Я вернулся в мастерскую и зажёл свет. Распахнул двойные двери. Сел на водительское сиденье крошки Остина. Повернул ключ в замке зажигания. Вытянул подсос. Нашёл кнопку стартера и нажал её. Мотор рзззз кашлянул и завёлся.

Теперь фары. На приборной панели был переключатель, и я перевёл его в положение S. Загорелись габаритные огни. Я нащупал большим пальцем ноги педаль сцепления. Я как раз до неё доставал, но мне пришлось тянуться, чтобы выжать её до упора. Потом я перевёл

рычаг на заднюю передачу. И медленно, задним ходом выехал из мастерской.

Я оставил мотор заведённым и выскочил из машины, чтобы погасить в мастерской свет. Нужно, чтобы всё выглядело как обычно. Заправка погрузилась во тьму, не считая тусклого света из нашей кибитки, где по-прежнему горела керосиновая лампа. Пусть горит, решил я.

Я снова сел в машину. Закрыв дверь. Габаритные огни светили тускло, почти незаметно. Я включил фары. Стало гораздо лучше. Я поискал ногой переключатель с ближнего света на дальний. Нашёл. Проверил, работает ли. Он работал. Я включил дальний свет. Если попадётся встречная машина, нужно не забыть переключить на ближний. Впрочем, фары и без того светили так слабо, что не ослепили бы и таракана. Они давали не больше света, чем пара обычных фонариков.

Я снова выжал сцепление и включил первую передачу. Получилось. Сердце моё колотилось с такой силой, как будто собралось выскочить и билось уже прямо в горле. В десяти ярдах от меня начиналась дорога. На ней было темно, как в преисподней. Я очень медленно выжал сцепление и одновременно самую малость, на крошечную долю дюйма, нажал на газ большим пальцем правой ноги — и, о чудо, крошка Остин тихонько подался вперёд. Я чуточку сильнее нажал на газ. Мы с машинкой выбрались с заправки

и медленно покатали по пустынной тёмной дороге.

Не буду притворяться, что я не был в оцепенении. Был. Но к жуткому страху примешивалось восхитительное волнение. Всё по-настоящему волнующее пугает нас до смерти, иначе оно не было бы волнующим. Я сидел, очень ровно, вцепившись в руль обеими руками. Глаза мои были примерно вровень с верхней точкой руля. Я мог бы прихватить подушку, чтобы сидеть повыше, но теперь было уже поздно.

В темноте дорога казалась ужасно узкой. Я знал, что она достаточно широка для двух встречных машин, но с моего места так не казалось. В любой момент навстречу мне мог на скорости шестьдесят миль в час с рёвом выехать, ослепив меня фарами, грузовик или автобус дальнего следования, полный пассажиров. Не слишком ли близко к середине дороги я держусь? Да, слишком. Но я не хотел уходить к краю, боясь скатиться под откос. Потому что, думал я, если я скачусь и сломаю переднюю ось, то всё пропало: мне не привезти папу домой.

Двигатель затарахтел и затрясся. Я всё ещё ехал на первой скорости. Нужно срочно переключаться на вторую, иначе он раскалится. Я знал, как переключать передачу, но никогда ещё этого не делал. По нашей заправке я всегда ездил только на первой.

Ну, рискнём.

Я снял ногу с газа. Выжал сцепление и, не отпуская,

нащупал рычаг переключения скоростей и потянул его назад, с первой на вторую. Отпустил сцепление и нажал на газ. Машинка прыгнула вперёд, будто ужаленная. Всё. Едем на второй передаче.

Но с какой скоростью мы едем? Я глянул на спидометр. Он был подсвечен очень слабо, но разглядеть было можно. Пятнадцать миль в час. Хорошо. Скорость нормальная. Остаёмся на второй передаче. Я начал прикидывать, за сколько времени я преодолею шесть миль на скорости пятнадцать миль в час.

При шестидесяти милях в час шесть миль проезжаешь за шесть минут.

При тридцати милях в час — вдвое дольше, за двенадцать минут.

При пятнадцати — ещё вдвое дольше, за двадцать четыре минуты.

Я ехал дальше. Я знал наизусть каждый дюйм этой дороги, каждый поворот, каждую кочку и впадину. Один раз из живой изгороди показалась лиса и перебежала дорогу прямо передо мной, волоча за собой длинный кустистый хвост. Я ясно видел её в свете фар. Мех у неё был коричневато-рыжий, а морда белая.

Это было восхитительно. Я забеспокоился о моторе. Я прекрасно знал, что он наверняка перегреется, если долго ехать на первой или на второй передаче. Я ехал на второй. Надо переключиться на третью. Я глубоко вдохнул и снова ухватился за рычаг. Отпустить газ. Выжать сцепление. Рычаг вверх, в сторону поперёк, снова вверх. Отпустить сцепление. Я это сделал!

Я выжал газ. Стрелка спидометра доползла до тридцати. Я очень крепко держал руль обеими руками и держался ближе к середине дороги. Такими темпами я скоро буду на месте.

Фундукков лес лежал на отшибе, в стороне от дороги. Чтобы туда попасть, нужно было повернуть налево через дыру в живой изгороди и с четверть мили подниматься в гору по ухабистой тропе. Будь земля мокрой, нечего было бы и надеяться доехать туда на машине. Но дождя не было уже неделю, и земля наверняка была

сухая и твёрдая. Я прикинул, что поворот уже совсем скоро, так что нужно смотреть во все глаза. Его запросто можно было проворонить: там не было ни ворот, ничего — только небольшой проём, чтобы мог пройти трактор с фермы.

Внезапно вдалеке передо мной, прямо под полоской горизонта, над которой начиналось ночное небо, вспыхнул жёлтый свет. Я смотрел на него, дрожа. Этого-то я и боялся всё время. Вот он всё ярче и ярче, всё ближе и ближе; ещё секунда — и он обрёл очертания и превратился в длинный белый луч фар машины, мчавшейся навстречу.

Поворот должен быть совсем скоро, совсем близко. Я отчаянно хотел добраться до него и свернуть с дороги раньше, чем этот монстр поравняется со мной. Я прибавил газу. Малютка-моторчик взревел. Стрелка спидометра доползла до тридцати пяти, потом до сорока. Но та, другая машина быстро приближалась. Её

фары превратились в два ослепительно белых глаза, которые росли и росли, и внезапно вся дорога передо мной оказалась залита светом, стало светло как днём, и — *вжжжик!* — эта машина пульей пронеслась мимо. Она была так близко, что в моё открытое окно дунуло ветром. И в эту крошечную долю секунды, когда мы поравнялись на пустынной дороге, я успел заметить, что машина белая, и понял: это полиция.

Я не смел оглянуться и посмотреть, остановятся ли они и развернутся ли, чтобы погнаться за мной. Я не сомневался, что они это сделают. Любой полицейский мира остановится, если случайно встретит на пустынной дороге в полтретьего ночи маленького мальчика за рулём маленькой машинки. У меня была одна мысль: сбежать, спрятаться, раствориться, исчезнуть — но как?

Я ещё сильнее нажал на газ — и внезапно в тусклом свете собственных фар увидел тот самый узенький проём в живой изгороди по левую руку от меня. Замедляться времени не было, поэтому я просто крутанул руль и взмолился, чтобы получилось. Машинка резко повернула, съехала с дороги, проскочила в проём, высоко подпрыгнула, завертелась на месте и остановилась за живой изгородью.

Первое, что я сделал, — выключил все огни. Не могу сказать точно, почему. Наверно, я просто знал, что должен прятаться, а тот, кто хочет спрятаться

от кого-то в темноте, не обозначает своё присутствие светом фар. Я сидел в тёмной машине очень-очень тихо. Живая изгородь была густая, и сквозь неё ничего не было видно. Когда машина подпрыгнула и завертелась, она съехала с тропы и теперь стояла на чём-то вроде поля, вплотную к изгороди и задом наперёд, то есть лицом к нашей автозаправке. Я слышал звуки полицейской машины. Она остановилась дальше на дороге, ярдах в пятидесяти, и теперь давала задний ход и разворачивалась. Дорога была слишком узкой, чтобы развернуться в один приём. Потом рёв мотора стал громче, и полицейская машина поехала обратно, на высоких оборотах и с включённой мигалкой. Она промчалась мимо места, где я прятался, и скрылась в ночи.

А это означало, что полицейский не видел, как я свернул с дороги.

Но он точно вернётся назад, когда меня не найдёт. И если он будет ехать назад медленно, то заметит проём. Он остановится и выйдет из машины.

Он войдёт в проём, начнёт шарить фонарём за живой изгородью, луч света ослепит меня, и он скажет:

— Эй, сынок, что это тут творится? Что задумал? Куда собрался? Чья это машина? Где ты живёшь? Где твои родители?

Он заставит меня поехать с ним в полицейский участок, и в конце концов они выудят из меня всю историю, и тогда всё, папа погиб.

Я сидел тихо как мышь и ждал. Ждал я долго. Наконец послышался звук мотора. Машина ехала в моём направлении, издавая страшный шум. Полицейский мчал на максимальной скорости. Он пронёсся мимо меня с рёвом, как ракета. Из того, как он жал на газ, было ясно, что этот человек очень сердится. Сердится и недоумевает. Возможно, он думает, что ему повстречалось привидение. Мальчик-призрак в машине-призраке.

Я подождал: вдруг он вернётся?

Он не вернулся.

Я включил фары.

Нажал стартёр. Машина завелась сразу.

Но что у нас с колёсами и ходовой? Когда машина прыгнула с дороги на тропу, что-то наверняка сломалось, в этом я был уверен.

Я включил передачу и очень медленно тронулся с места, ожидая услышать ужасный шум. Шума не было. Я проехал по траве и вернулся на тропу.

Теперь я ехал очень медленно. Тропа была вся в рытвинах и ухабах и круто уходила вверх. Машина всё время спотыкалась и подпрыгивала, но ехала.

Наконец впереди, по правую руку, как чёрный великан, сгорбившийся на вершине холма, показался Фундукков лес.

Вскоре я был на месте. С правой стороны дороги гигантские деревья уходили ввысь, заслоняя небо.

Я выключил двигатель и фары. Выбрался из машины с фонариком в руке.

Передо мной была обычная живая изгородь, отделявшая лес от тропы. Я протиснулся сквозь неё — и внезапно сразу оказался в лесу. Я поднял взгляд. Деревья надо мной сомкнулись, словно потолок тюремной камеры, и я не видел ни клочка неба, ни единой звёздочки. Тьма так сгустилась вокруг меня, что я почти чувствовал её на ощупь.

— Папа! — позвал я. — Папа, ты тут?

Мой тонкий, высокий голос эхом прокатился по лесу и затих вдаль. Я ждал ответа. Но ответа не было.

Яма

Не могу передать, каково было стоять одному в чёрном как смоль непроглядном лесу в самый тёмный предрасветный час. Одиночество переполняло меня, тишина была всепоглощающая, как смерть, я слышал только те звуки, которые издавал сам. Я старался стоять абсолютно тихо как можно дольше, не издавая вообще никаких звуков — вдруг из тьмы донесётся хоть что-нибудь. Я слушал и слушал, и снова вслушивался, затаив дыхание. Было странное чувство, что весь лес вслушивается вместе со мной, все его деревья и кусты, зверьки в лесной подстилке и птицы на ветвях. Все слушали. Даже сама тишина слушала. Тишина прислушивалась к тишине.

Я включил фонарик. Яркий луч света вытянулся передо мной, как длинная белая рука. Так-то лучше. Теперь, во всяком случае, я видел, куда иду.

Егеря тоже увидят, конечно. Но мне теперь было на них наплевать. Единственный, о ком я беспокоился, был папа. Я хотел моего папу.

С фонариком в руке я углубился в лес.

— Папа! — кричал я. — Папа! Это я, Данни! Ты тут?

Я не знал, куда иду. Я просто шёл и звал, шёл и звал; и каждый раз, когда я звал, я останавливался и вслушивался, ожидая ответа. Но ответа не было.

Через некоторое время голос мой стал дрожать. И я начал выкрикивать всякие глупости:

— Папа, папочка, ну скажи мне, где ты! Пожалуйста, пожалуйста, папа! Очень тебя прошу!

При этом я понимал, что нужно держать себя в руках, иначе я сдамся и упаду ничком под каким-нибудь деревом, просто от безнадёжности.

— Папа, ты тут? Скажи, ты здесь? — снова закричал я. — Это я, Данни!

Я замер. Я слушал, слушал, слушал, и в тишине услышал, или подумал, что услышал слабый, совсем слабый, еле слышный человеческий голос.

Я окаменел.

Да. Мне не послышалось.

Я побежал туда, на звук голоса.

— Папа! — кричал я. — Это я, Данни! Где ты?

Я остановился и снова вслушался.

На этот раз голос слышался так близко, что я разобрал слова.

— Я здесь! — выкрикнул он. — Здесь!

Это был он!

От волнения у меня затряслись коленки.

— Где ты, Данни? — крикнул папа.

— Я тут, папа! Я иду!

Светя себе фонариком, я помчался на голос. Деревья здесь были больше, а просветы между ними шире. Земля была покрыта ковром из коричневых прошлогодних листьев, по которым было приятно бежать. Я больше не звал. Просто нёсся вперёд.

И вдруг прямо передо мной раздался папин крик:

— Стой, Данни! Стой!

Я застыл как вкопанный и принялся шарить

фонариком по земле. Папы нигде не было.

— Где ты, пап?

— Тут, внизу. Подходи медленно и очень осторожно. Не свались.

Я начал осторожно красться вперёд. И тут я увидел яму. Я подошёл к её краю и посветил фонариком. В яме был папа. Он сидел на дне. Он посмотрел вверх, прямо в луч фонаря, и сказал. •

— Привет, мальчик мой чудесный! Спасибо, что пришёл.

— Что с тобой, папа?

— Кажется, сломал лодыжку, — ответил он. — Когда упал.

Яма представляла собой квадрат примерно шесть футов на шесть. Но что было в ней ужаснее всего, так это глубина. Глубиной она была не меньше двенадцати футов. Стены ямы были совершенно отвесными, так что выбраться из неё без помощи было невозможно. Должно быть, её вырыли экскаватором.

— Больно? — спросил я.

— Да, — ответил он. — Очень. Но об этом ты не беспокойся. Важно другое: я должен *выбраться отсюда до восхода солнца*. Егеря знают, что я тут, и явятся за мной, как только рассветёт.

— Они что, нарочно выкопали эту яму? — спросил я. — Это капкан на человека?

— Да, — ответил он.

Я осветил фонариком края ямы и понял, как егеря замаскировали её палочками и листьями и как всё это сооружение рухнуло, когда папа на него наступил. Это и вправду было что-то вроде капкана, в какие охотники в Африке ловят диких зверей.

— А егеря знают, что ты — это ты? — спросил я.

— Нет, — ответил он. — Двое подходили и светили на меня фонарём, но я закрыл лицо руками, и они меня не узнали. Они строили догадки, называли разные имена, но моего имени не упоминали. Потом один из них крикнул: «Утром мы всё равно узнаем кто ты, понял? И угадай, кто придёт с нами вытаскивать тебя отсюда?» Я смолчал, чтобы они не узнали меня по голосу. «Мы тебе скажем, кто с нами придёт, — продолжал он. — Сам мистер Виктор Фундукк собственной персоной явится сказать тебе «доброе утро!»» А второй добавил: «Мне страшно даже подумать о том, что он с тобой сделает!» Они оба рассмеялись и ушли. Ой! Бедная моя лодыжка.

— Они точно ушли, папа?

— Да, — сказал он. — Ушли до утра.

Я опустил на колени у края ямы. Мне отчаянно хотелось спуститься к папе и успокоить его, но это было бы чистой воды безумием.

— Который час? — спросил он. — Посвети-ка фонариком... Без десяти три. Мне надо выбраться отсюда до рассвета.

— Папа, — сказал я.

— Что?

— Я с машиной. Я приехал на крошке Остине.

— Ты что? — крикнул он.

— Я хотел побыстрее. Я просто выехал на ней из мастерской и доехал сюда.

Он уставился на меня. Я направил луч фонаря вбок, чтобы свет не слепил его.

— Ты что, прямо вот так сел за руль крошки Остина и приехал?

— Да.

— Ты сошёл с ума, — сказал он. — Ты абсолютный псих.

— Но мне было нетрудно, — сказал я.

— Ты мог погибнуть! Разбиться вдребезги!

— Всё прошло хорошо, папа.

— Где она сейчас?

— Сразу за лесом, на той тропе с выбоинами.

Его лицо было сморщенным от боли и белым, как лист бумаги.

— Тебе очень больно? — спросил я.

— Нет, — сказал он. — Всё в порядке.

Он весь дрожал, хотя ночь была тёплая.

— До машины я помогу тебе дойти, это уж точно, — сказал я. — Ты обопрёшься об меня и будешь прыгать на одной ноге. Только бы вытащить тебя отсюда...

— Без лестницы мне ни за что не выбраться, — ответил он.

— А верёвка? — спросил я. — Верёвка подойдёт?

— Верёвка! — воскликнул он. — Конечно! В крошке Остине есть верёвка! Она под задним сиденьем! Мистер Пратчетт всегда возит с собой буксирный трос на случай поломки.

— Я принесу, — сказал я. — Жди меня, папа.

Я оставил его и помчался обратно, светя себе фонариком. Я нашёл машину. Приподнял заднее сиденье. Буксирный трос был там, вместе с домкратом и баллонным ключом. Я вытащил его и повесил на плечо. Снова ввинтился в живую изгородь и бегом помчался в лес.

— Где ты, папа? — позвал я.

— Тут, — ответил он.

Я пошёл на голос и на этот раз без труда нашёл папу.

— Я принёс верёвку, — сказал я.

— Хорошо. Теперь привяжи её конец к ближайшему дереву.

Подсвечивая себе фонариком, я привязал конец верёвки к ближайшему дереву, а другой конец спустил

папе в яму. Он ухватился за неё обеими руками и поднялся. Стоял он только на одной ноге, правой. Левую он держал на весу, согнув в колене.

— Ч-чёрт, — проговорил он. — Больно.

— Как думаешь, папа, у тебя получится?

— У меня нет выбора, — сказал он. — Верёвка крепко привязана?

— Да.

Я лёг на живот на краю ямы и свесился в неё, опустив руки. Я хотел сразу же помочь папе выбраться наверх, как только он долезет до меня. При этом я всё время светил ему фонариком.

— Мне придётся лезть без помощи ног, — сказал он.

— Ты сможешь, — сказал я.

В свете фонарика я видел, как побелели костяшки его пальцев, когда он ухватился за верёвку. Он полез наверх, переставляя руки, и как только я мог до него дотянуться, я вцепился в его предплечье и потянул вверх что было сил. Он подтягивался на верёвке, а я тянул его руку, и наконец он выбрался из ямы, скользя по земле грудью и животом. Он лежал, часто и тяжело дыша.

— Ты молодец! — сказал я.

— Мне надо чуть-чуть отдохнуть.

Я ждал, стоя на коленях рядом с ним.

— Хорошо, — сказал он. — Следующий этап. Дай мне руку, Данни. Сейчас тебе придётся нелегко.

Я помог ему удерживать равновесие, пока он

поднимался и вставал на здоровую ногу.

— С какой стороны мне встать? — спросил я.

— Справа, — сказал он, — иначе ты будешь задевать мою больную лодыжку.

Я встал справа, вплотную к нему, и он положил обе руки мне на плечи.

— Давай, пап, — сказал я. — Не бойся, обопрись сильнее.

— Свети, чтобы мы видели, куда идём, — сказал он.

Я так и сделал.

Он пару раз подпрыгнул на правой ноге.

— Получается? — спросил я.

— Да, — ответил он. — Пошли.

Держа левую ногу на весу и опираясь на меня обеими руками, он двинулся вперёд, прыгая на одной ноге. Я семенил рядом, принаравливаясь к его скорости.

— Скажи, когда захочешь отдохнуть.

— Сейчас, — сказал он, и мы остановились. — Я хочу сесть.

Я помог ему опуститься на землю. Его левая ступня беспомощно болталась на сломанной лодыжке, и всякий раз, когда она случайно касалась земли, папа подпрыгивал от боли. Я сел рядом с ним на коричневые листья, которыми был устлан лес. По папиному лицу градом катил пот.

— Очень сильно болит, папа?

— Да, когда я прыгаю, — сказал он. — Каждый прыжок отзывается болью.

Он несколько минут посидел на земле, отдыхая. Потом сказал:

— Давай попробуем снова.

Я помог ему подняться, и мы пошли. На этот раз я обнял его рукой за пояс, чтобы крепче поддерживать. Он обхватил правой рукой мои плечи и сильнее оперся об меня. Дело пошло лучше. Но до чего же он был тяжёлый! Ноги у меня подкашивались и подгибались с каждым его прыжком.

Прыг...

Прыг...

Прыг...

— Идём, — выдохнул он. — Не останавливаемся. Мы можем.

— Вон изгородь, — сказал я, взмахнув фонариком. — Мы почти пришли.

Прыг...

Прыг...

Прыг...

У самой изгороди ноги мои подкосились, и мы вместе упали на землю.

— Прости! — сказал я.

— Всё хорошо. Ты сможешь мне пролезть?

Не знаю, как мы с ним пробрались сквозь изгородь. Он полз, я тянул, и потихоньку, кое-как мы протиснулись на другую сторону и вышли на тропу. Машинка была всего ярдах в десяти.

Мы опустили на траву под живой изгородью, чтобы перевести дыхание. На папиных часах было почти четыре утра. До восхода солнца оставалось не меньше двух часов, так что времени у нас было предостаточно.

— Мне повести? — спросил я.

— Тебе придётся, — ответил он. — У меня всего одна нога.

Я помог ему допрыгать до машины, и ему с трудом, но удалось в неё сесть. Левая нога была подогнута под правую, и всё это наверняка причиняло ему

ужасную боль. Я сел на водительское сиденье.

— Верёвка! — сказал я. — Мы забыли верёвку!

— Не думай об этом, — сказал он. — Не важно.

Я завёл мотор и включил фары. Потом дал задний ход, развернулся, и мы покатали по тропе вниз с холма.

— Помедленней, Данни, — сказал папа. — Адская боль от этих ухабов. — Он держал одну руку на руле, помогая мне вести машину.

Мы доехали до конца тропы и повернули на дорогу.

— Ты отлично ведёшь, — сказал он. — Давай дальше.

Теперь мы были на дороге, и я переключился на вторую передачу.

— Добавь газу и переключи на третью, — сказал он. — Помочь?

— Думаю, справлюсь, — сказал я.

Я перешёл на третью. Теперь, когда папина рука лежала на руле, я не боялся врезаться в живую изгородь или во что другое и уверенно жал на газ. Стрелка спидометра доползла до сорока.

Что-то большое летело нам навстречу, слепя фарами.

— Я поведу, — сказал папа. — Отпусти руль, совсем отпусти.

Он повёл маленькую машинку близко к краю дороги, и мимо нас пролетел огромный молоковоз. Это была единственная встречная машина за всю дорогу домой.

Когда мы приблизились к заправке, папа сказал:

— Мне потом придётся поехать в больницу. Кости надо правильно сложить и загипсовать.

— В больницу — это надолго?

— Не волнуйся. Вечером я уже буду дома.

— А ты сможешь ходить?

— Да. Они вставляют в гипс металлический фиксатор. Он торчит из-под стопы. И с ним я смогу ходить.

— Может, поедем в больницу прямо сейчас?

— Нет, — сказал он. — Я немного полежу на полу в мастерской, а потом позвоню доку Спенсеру. Он всё устроит.

— Позвони сейчас, — сказал я.

— Нет. Я не люблю будить врачей в полпятого утра. Подождём семи.

— Но что ты ему скажешь, папа? В смысле, про то, что случилось?

— Скажу правду, — ответил папа. — Док Спенсер — мой друг.

Мы подъехали к заправке, и я припарковал машину прямо напротив ворот мастерской. Я помог папе выбраться. Потом обхватил его за талию, и он допрыгал до мастерской.

Внутри он облокотился о верстак для устойчивости и объяснил мне, что делать дальше.

Сначала я застелил промасленный пол газетами. Потом побежал в кибитку и принёс два одеяла и подушку. Я постелил одно одеяло на пол поверх газет.

Помог папе лечь на одеяло. Потом положил ему под голову подушку и накрыл его вторым одеялом.

— Поставь сюда телефон, чтобы я мог до него дотянуться, — сказал он.

Я сделал, как он просил.

— Что тебе принести, пап? Хочешь попить чего-нибудь горячего?

— Нет, спасибо, — сказал он. — Мне скоро должны дать обезболивающее, а перед этим нельзя есть и пить. Но ты должен поесть. Пойди приготовь себе что-нибудь на завтрак. А потом ложись в постель.

— Я хочу дождаться доктора.

— Но ты, наверно, смертельно устал, Данни.

— Со мной всё в порядке, — сказал я.

Я нашёл старый деревянный стул, подтащил его поближе к папе и сел.

Он закрыл глаза и, казалось, задремал.

Мои глаза тоже закрывались. Я не мог разлепить веки.

— Прости, что я устроил весь этот ералаш, — услышал я папин голос.

И тут я, должно быть, уснул, потому что сразу после этих слов я услышал голос дока Спенсера:

— Господи боже, Вильям, да что же это с тобой произошло?

Я открыл глаза и увидел доктора Спенсера. Доктор склонился над папой, который так и лежал на полу в мастерской.

Док Спенсер

Папа как-то раз сказал мне, что док Спенсер лечит людей в нашей округе уже почти сорок пять лет. Ему было больше семидесяти, и он уже давно мог уйти на покой, но уходить на покой он не хотел — и его пациенты тоже не хотели, чтобы он уходил. Он был крохотный человечек с крохотными ручками и ножками и крохотным круглым личиком. Личико было тёмное и морщинистое, как сморщенное яблоко. Всякий раз, когда я его видел, я думал, как он похож на эльфа, очень древнего эльфа с лёгким облачком белых волос и в очках со стальной оправой; умного и проворного эльфа с быстрым взглядом, быстрой улыбкой и очень быстрой речью. Никто его не боялся, многие любили, а с детьми он был особенно добр.

— Какая лодыжка? — спросил он.

— Левая, — сказал папа.

Док Спенсер опустил на одно колено и достал из своего чемоданчика пару больших ножниц. Затем, к моему удивлению, он разрезал папину левую штанину до колена, откинул ткань в стороны и посмотрел на лодыжку, но трогать её не стал. Я тоже посмотрел.

Ступня была как будто повернута в сторону, а под косточкой виднелась громадная опухоль.

— Скверно, — сказал док Спенсер. — Надо срочно в больницу. Можно от вас позвонить?

Он позвонил в больницу и попросил прислать машину скорой помощи. Потом позвонил кому-то ещё. Звучали слова «рентген» и «операция».

— Боль сильная? — спросил док Спенсер. — Дать обезболивающее?

— Нет, — сказал папа. — Дотерплю до больницы.

— Как скажешь, Вильям. Но как тебя угораздило? Свалился со ступенек этой твоей безумной кибитки?

— Не совсем, — сказал папа. — Нет.

Доктор молча ждал продолжения. Я тоже.

— Честно сказать, — медленно проговорил

папа, — меня занесло в Фундукков лес... — Он снова замолчал и посмотрел на доктора, который по-прежнему стоял возле него на коленях.

— Ага, — сказал доктор. — Понятно. И как там дела в наши дни? Фазанов много?

— Немерено, — сказал папа.

— Прекрасная дичь, — сказал доктор Спенсер с лёгким вздохом. — Жаль, годы у меня уже не те. — Он поднял глаза и заметил мой изумлённый взгляд. — А ты не знал, Данни, что в прежние времена я тоже любил побраконьерствовать?

— Нет, — выдавил я, абсолютно ошеломлённый.

— Частенько после вечерней операции, — продолжал док Спенсер, — я выскальзывал через чёрный ход и спешил в какое-нибудь из моих тайных местечек. Иногда это были фазаны, иногда — форель. В те времена наша речка так и кишела прекрасной крупной форелью.

Он по-прежнему стоял на коленях возле папы.

— Постарайся не шевелиться, — сказал он ему. — Лежи спокойно.

Папа закрыл усталые глаза, потом открыл снова.

— А каким методом ты ловил фазанов? — спросил он.

— Джин и изюм, — ответил док Спенсер. — Неделю вымачивал изюм в джине, потом разбрасывал по лесу.

— Этот метод не работает, — сказал папа.

— Знаю, что не работает, — согласился доктор. — Зато как развлекает!

— Один-единственный фазан, — сказал папа, — должен съесть не меньше шестнадцати вымоченных в джине изюмин, только тогда он окосеет настолько, что его можно будет брать голыми руками. Мой папаша доказал это на петухах.

— Верю, — сказал доктор. — Вот поэтому я ни разу ни одного и не поймал. Иное дело форель. Данни, ты знаешь, как поймать форель без удочки и лески?

— Нет, — сказал я. — Как?

— Её надо пощекотать.

— *Пощекотать?*

— Да, — подтвердил доктор. — Форель, видишь ли, любит лежать близко к берегу. Ты крадёшься вдоль берега, видишь большую форель, заходишь сзади, ложишься на живот, потом медленно, очень медленно

опускаешь руку в воду со стороны хвоста... просовываешь руку форели под брюшко... и начинаешь щекотать ей животик кончиком одного пальца...

— И что, она не против?

— Она это обожает, — сказал доктор. — Она так это любит, что закрывает глаза и замирает от наслаждения, и даже задремывает. И как только она задремлет, ты хватъ — и выбрасываешь её на берег.

— Вот это хороший метод, — сказал папа. — Но на такое способен только настоящий виртуоз. Я снимаю перед вами шляпу, маэстро.

— Спасибо, Вильям, — серьёзно сказал док Спенсер. Он поднялся с коленей, подошёл к дверям мастерской и выглянул — не едет ли скорая помощь. — Кстати, — сказал он через плечо, — а что случилось в лесу? Ты оступился и попал в кроличью нору?

— Скорей уж в волчью яму, — сказал папа.

— То есть как?

Папа рассказал, как он свалился в огромную яму.

Док Спенсер рывком обернулся и изумлённо уставился на папу сверху вниз.

— Не верю! — воскликнул он.

— Это чистая правда. Спроси Данни.

— Она была очень глубокая, — подтвердил я. — Жуть до чего глубокая.

— Но святые небеса! — воскликнул маленький доктор, подпрыгнув от негодования. — Как он мог? Виктор

Фундукк не имеет права копать в своём лесу ямы и охотиться на людей, как на тигров! Я в жизни своей не слышал ничего чудовищнее и отвратительнее!

— Да, это гнусно, — согласился папа.

— Хуже, Вильям! Это дьявольское зло! Ты понимаешь, что это значит?

Это значит, что приличные люди вроде нас с тобой не могут пойти ночью слегка поразвлечься, не рискуя сломать ногу или руку! Не говоря уж — шею!

Папа кивнул.

— Мне этот Виктор Фундукк никогда не нравился, — сказал доктор. — Я один раз видел, как он вытворил ужасную пакость.

— Какую? — спросил папа.

— Он должен был приехать ко мне на приём. Ему нужно было сделать какой-то укол, я забыл какой. Не важно. В общем, я по случайности стоял у окна, как раз когда он подъезжал ко входу в этом своём здоровенном роллс-ройсе. Я увидел, как он выходит из машины. А на крыльце дремал мой старый пёс Берти. И как ты думаешь, что сделал этот мерзкий Виктор Фундукк вместо того, чтоб спокойно переступить через Берти? Он пнул его своим охотничьим сапогом, так что бедный пёс отлетел в сторону.

— Не может быть! — сказал папа.

— Очень даже может.

— А ты что?

— Я велел ему ждать в приёмной, а сам отыскал самую старую, самую тупую иглу из всех, что у меня имелись. Потом я потёр конец иглы пилкой для ногтей, чтобы ещё сильнее её затупить. Когда я закончил, игла была тупее кончика шариковой ручки. Тогда я позвал его в кабинет, велел снять штаны и нагнуться — и когда я всадил эту иглу в его жирную задницу, он завизжал, как свинья, застрявшая в заборе!

— Отлично, — сказал папа.

— С тех пор он никогда ко мне не приезжал, — сказал док Спенсер. — За что я ему сердечно признателен. А вот и скорая.

Скорая помощь припарковалась у входа в мастерскую. Из машины выбежали двое мужчин в медицинской форме.

— Принесите мне шину для ноги, — сказал доктор.

Один из медиков принёс из машины нечто вроде тонкой деревянной планки. Док Спенсер снова опустился на колени рядом с папой и бережно подсунул планку под папину левую ногу. Потом он плотно пристегнул ногу к планке ремешками. Медики принесли носилки и положили на пол. Папа перебрался на них сам.

Я всё ещё сидел на стуле. Док Спенсер подошёл и положил мне руку на плечо.

— Думаю, юноша, будет лучше, если вы пойдёте со мной ко мне домой, — сказал он. — И поживёте у нас,

пока папа не вернётся из больницы.

— А разве он не сегодня вернётся? — спросил я.

— Сегодня, — сказал папа. — Вечером буду дома.

— Лучше бы тебе остаться там на ночь, — сказал док Спенсер.

— Я всё-таки вернусь вечером, — сказал папа. — Спасибо, что предложил взять к себе Данни, но это не понадобится. Он спокойно подождёт меня дома. Честно говоря, я думаю, он почти весь день продряхнет, не правда ли, мой мальчик?

— Наверно, да, — сказал я.

— Тогда закрывай заправку и ложись, ладно?

— Ладно, папа, но ты всё-таки поскорее возвращайся!

Медики внесли носилки с папой в машину скорой помощи и захлопнули двери. Я стоял на пороге мастерской с доком Спенсером и смотрел, как большая белая машина выезжает с заправки.

— Данни, тебе нужна помощь? — спросил док Спенсер.

— Нет, спасибо.

— Тогда иди спать и приятных тебе снов!

— Спасибо. Сейчас пойду.

— Позвони мне, если тебе что-нибудь понадобится.

— Хорошо.

Чудесный маленький доктор сел в свою машину и поехал вслед за скорой.

Большая охотничья вечеринка

Как только доктор скрылся из виду, я вошёл в контро-ру и забрал оттуда табличку: «ИЗВИНИТЕ, ЗАКРЫТО». Я повесил её на один из бензонасосов и двинул напрямик в кибитку. Раздеваться я не стал, потому что слишком вымотался. Я даже не снял свои грязные старые кеды. Я просто рухнул на койку и уснул. На часах было восемь часов пять минут утра.

Через десять с лишним часов, в полседьмого вечера, я проснулся от того, что те же самые люди привезли папу из больницы. Они внесли его в кибитку и положили на нижнюю койку.

— Привет, пап, — сказал я.

— Привет, Данни.

— Как ты себя чувствуешь?

— Немножко сонно, — сказал он и мгновенно уснул.

Как только скорая уехала, приехал док Спенсер и поднялся в кибитку взглянуть на пациента.

— Он проспит до утра, — сказал док. — А когда проснётся, будет чувствовать себя нормально.

Я проводил доктора до машины.

— Как хорошо, что он уже дома, — сказал я.

Доктор открыл дверцу машины, но не сел, а очень пристально посмотрел на меня и спросил:

— Когда ты в последний раз ел, Дэнни?

— Э-э-э... м-м-м... я... — Внезапно я понял, что не ел очень давно. С тех самых пор, как мы с папой поужинали. Это было почти двадцать четыре часа назад.

Док Спенсер покопался в своей машине и достал что-то большее и круглое, обёрнутое в пергаментную бумагу.

— Это тебе от моей жены, — сказал он. — Надеюсь, тебе понравится. Она потрясающе готовит.

Он сунул мне свёрток, прыгнул в машину и умчался.

Я стоял, сжимая в руках это большое и круглое и глядя вслед машине дока Спенсера. Она уже скрылась за поворотом, а я всё стоял и глядел на пустую дорогу.

Постояв так ещё немного, я повернулся и понёс свой ценный свёрток в кибитку. Там я поставил его в середину стола, но разворачивать не стал.

Папа лежал на койке и крепко спал. На нём была больничная пижама в коричневую и голубую полоску. Я подошёл и осторожно откинул одеяло, чтобы посмотреть, что они с ним сделали. Голень и всю ступню, кроме пятки, покрывал твёрдый белый гипс. Из-под ступни торчала какая-то смешная железная штуковина — наверно, чтобы папа мог ходить. Я снова укрыл его и вернулся к столу.

Я очень осторожно начал снимать с докторского

подарка пергаментную бумагу, и когда я закончил, я увидел перед собой самый огромный и самый прекрасный в мире пирог. Весь он — и верх, и низ, и бока — был покрыт хрустящей золотой корочкой.

Я взял нож, лежавший рядом с раковиной, и отрезал себе клиновидный кусок пирога. Я начал есть тут же, стоя. Это был холодный пирог с мясом. Мясо было розовое и нежное, без жира и прожилок, а в нескольких местах были ещё, словно сокровища, упрятаны варёные яйца.

Вкус у пирога был совершенно волшебный. Закончив с первым куском, я отрезал второй и съел его тоже. Да благословит Бог доктора Спенсера, думал я. И да благословит Бог заодно и миссис Спенсер.

На следующее утро папа проснулся в шесть часов.

— Я отлично себя чувствую, — сказал он и похромал по кибитке, проверяя, на что способна его нога. — Почти не болит! — закричал он. — Я могу проводить тебя в школу!

— Нет, — сказал я. — Нет.

— Но я всегда провожаю тебя в школу, Данни!

— Две мили в один конец, — сказал я. — Не ходи, папа, пожалуйста!

Так что в тот день я пошёл в школу один. Но на следующий день папа настоял на том, чтоб пойти со мной. И мне не удалось его отговорить. Он натянул поверх гипса шерстяной носок, чтобы пятка не мёрзла, а нижнюю часть носка продырявил, чтобы продеть туда железную штукуну. Папа шёл прихрамывая, однако так же быстро, как всегда, и металлическая штука лязгала о дорогу каждый раз, когда он делал шаг левой ногой.

И так, мало-помалу, жизнь на нашей автозаправке наладилась и снова стала нормальной — или, по крайней мере, *почти* нормальной. Говорю «почти», потому что она определённо была не такой, как раньше. Дело было в папе. Он изменился. Не то чтобы очень, но достаточно для того, чтобы я увидел: папу что-то сильно тревожит. Он часто задумывался, и между нами то и дело повисало молчание, особенно за ужином. Я не раз видел, как он стоит один, очень прямо, и смотрит вперёд, на дорогу, уводящую в Фундукков лес.

Я много раз хотел спросить его, что случилось, и если бы спросил, то, я уверен, он бы сразу же мне ответил. Так или иначе, я не сомневался, что рано или поздно всё услышу.

И долго ждать не пришлось.

Прошло дней десять с тех пор, как папа вернулся из больницы. Мы с ним вдвоём сидели на крыльце нашей кибитки и смотрели, как солнце заходит за высокие деревья на вершине холма по другую сторону долины. Мы уже поужинали, а идти спать мне было ещё рано.

Стоял тёплый, прекрасный и очень тихий

сентябрьский вечер.

— Знаешь, из-за чего я себе места не нахожу? — внезапно произнёс папа. — Утром я встаю в отличном настроении. Но каждый божий день, без выходных и праздников, примерно в девять утра, мимо нашей заправки пулей пролетает этот здоровенный серебристый роллс-ройс, и я успеваю разглядеть над рулём огромное, раздутое, заплывшее жиром лицо мистера Виктора Фундукка. Я всегда его вижу. Ничего не могу с собой поделывать. И когда он пронесется мимо, он всякий раз поворачивает голову и смотрит на меня. Но что меня по-настоящему бесит, так это то, *как* он на меня смотрит. Нос у него презрительно наморщен, на губах самодовольная ухмылка, и, хотя я вижу его всего три секунды, успеваю озвереть, как медведь. А главное, так и злюсь до самой ночи.

— Ещё бы, — сказал я.

И опять повисла тишина. Я ждал, что будет дальше.

— Я расскажу тебе кое-что интересное, — сказал он наконец. — В субботу начинается сезон охоты на фазанов. Ты знал об этом?

— Нет, папа, не знал.

— Он всегда начинается первого октября, — сказал папа. — И каждый год в этот день мистер Фундукк закатывает большую вечеринку в честь начала сезона.

Я не понимал, как это связано с тем, что папа озверевает, как медведь, но не сомневался, что связь есть.

— Они очень знамениты, Данни, эти охотничьи вечеринки мистера Фундукка.

— И много гостей на них приезжает? — спросил я.

— Сотни, — ответил он. — Съезжаются отовсюду, за много миль. Герцоги и лорды, бароны и баронеты, богатые дельцы и щёголи всех мастей. Они являются со своими ружьями, собаками и жёнами, и целый день напролёт по всей долине разносятся звуки пальбы. Но они приезжают не потому, что им нравится мистер Фундукк. Втайне они все его презирают. Считают гнусным подонком.

— Тогда почему они приезжают, папа?

— Потому что это лучшая фазанья охота на юге Англии, вот почему. Ну а для мистера Фундукка это величайший день в году, и он что угодно готов отдать за то, чтобы вечеринка удалась. Он тратит на этих фазанов бешеные деньги.

Каждое лето он покупает сотни птенцов на фазаньих фермах и поселяет их в лесу, а егеря их охраняют и раскармливают в ожидании великого дня. Знаешь ли ты, Данни, сколько стоит вырастить одного-единственного фазана и сохранить его невредимым до того дня, как его можно будет пристрелить? Хватило бы на сто буханок хлеба.

— Не может быть.

— Клянусь, — сказал папа. — Но мистер Фундукк считает, что дело того стоит. И знаешь почему? Потому

что это позволяет ему чувствовать себя важной персоной. Всего на один день в году он становится большой шишкой в этом маленьком мире, и даже герцог Такой-то и Сякой-то хлопает его по плечу и, прощаясь, силится припомнить его имя.

Папа протянул руку и поскрёб гипс под левой коленкой.

— Чешется, — сказал он. — Кожа под гипсом зудит.

Поэтому я чешу гипс и внушаю себе, будто чешу ногу.

— И помогает?

— Нет, — вздохнул он, — не помогает. Но знаешь что, Данни?

— Что, папа?

— Я хочу открыть тебе один секрет.

Он снова начал яростно скрести гипс. Я ждал продолжения.

— Я хочу сказать тебе, о чём я мечтаю.

Вот оно, думал я. Начинается. Вот-вот начнётся что-то большое и безумное. Я читал это на папином лице.

— Это страшная тайна, Данни. — Он умолк и пристально огляделся по сторонам. И хотя, скорее всего, в тот миг в радиусе двух миль от нас не было ни живой души, он наклонился ко мне и понизил голос: — Я мечтаю найти способ, — прошептал он, — поймать в Фундукковом лесу столько фазанов, чтобы к первому октября,

к открытию сезона, ни одного фазана там не осталось.

— Папа! — воскликнул я. — Нет!

— Ш-ш-ш, — прошептал он. — Слушай. Если бы мне удалось изловить пару сотен птиц в один заход, то вечеринка мистера Фундукка стала бы величайшим провалом в истории!

— Пару сотен! — повторил я. — *Это невозможно!*

— Только вообрази, Данни, — продолжал папа, — какой это был бы триумф, какая славная победа! Вот являются все эти герцоги, и лорды, и прочие знаменитости в своих лимузинах... а мистер Фундукк прогуливается туда-сюда, как павлин, и приветствует гостей: «В этом году у меня для вас тьма-тьмущая птиц, лорд

Чертполокси» или «О, дорогой мой сэръ Годфри, это поистине сезон фазанов, лучший из сезонов»... и потом все они, с ружьями под мышкой, займут свои места по периметру этого знаменитого леса... а в самом лесу соберётся целая армия нанятых загонщиков, и они начнут орать, вопить и колотить по подлеску, выгоняя фазанов из леса прямо на эти ружья... и — внимание! — окажется, что нигде в целом лесу нет ни единого фазана! И рожь мистера Виктора Фундукка будет краснее, чем варёная свёкла! Если бы нам удалось провернуть такой фокус, Данни, разве это не было бы фантастически прекрасно?

Папа так возбудился от собственной речи, что встал

на ноги, хромая спустился по ступенькам и начал ходить взад-вперёд у меня перед носом.

— Это было бы роскошно! — повторял он. — Это было бы потрясающе, правда?

— Правда, — сказал я.

— Но как? — возопил он. — Как нам это повернуть?

— Никак, папа. В этом лесу и двух-то фазанов добыть непросто, не говоря уж о *двух сотнях*.

— Да, — вздохнул папа. — Это всё из-за егерей.

— А сколько их там?

— Егерей-то? Трое, и они всегда на стрёме.

— Что, и ночью тоже?

— Нет, ночью — нет, — сказал папа. — Они расходятся по домам, как только фазаны взлетают на свои насесты. Но никто ещё не придумал, как поймать фазана, сидящего на насесте, — никто, даже мой родной

папаша, величайший фазановед мира. Тебе уже почти пора спать, — добавил он. — Иди-ка ложись, а я сейчас приду и расскажу тебе сказку.

Спящая красавица

Пять минут спустя я уже лежал в пижаме в своей койке. Папа пришёл и зажёл лампу под потолком. Темнело теперь раньше.

— Итак, — сказал папа, — что за историю мы сегодня расскажем?

— Пап, — сказал я, — погоди минутку.

— Что ещё?

— Можно я тебя кое о чём спрошу? Мне в голову пришла одна мысль.

— Выкладывай.

— Помнишь те снотворные пилюли, которые тебе дал док Спенсер, когда ты вернулся из больницы.

— Я их не принимал. Не люблю такого.

— Я просто подумал: а не подействуют ли эти штуки на фазанов?

Папа грустно помотал головой.

— Подожди, — сказал я.

— Бессмысленно, Данни. Ни один фазан в мире не согласится клевать эти мерзкие красные капсулы. Ты и сам это понимаешь.

— Но ты забыл про изюм, папа.

— Изюм? При чём тут изюм?

— Ты послушай, — сказал я. — Послушай, пожалуйста. Мы берём изюм. Замачиваем его, чтоб хорошенько разбух. Делаем на одной стороне изюминки крошечный надрез лезвием. Потом сжимаем, чтобы она сделалась полой внутри. Потом открываем твою красную капсулу и высыпаем порошок в изюмину. Потом берём иголку и нитку и очень бережно зашиваем надрез...

Краешком глаза я видел, как папин рот медленно приоткрывается.

— И в итоге, — продолжал я, — у нас имеется прекрасная, идеальная изюмная капсула, полная снотворного порошка, который усыпит любого фазана. Не так ли?

Папа смотрел на меня так изумлённо, словно увидел привидение.

— Ох, мой мальчик дорогой, — выговорил он наконец. — Ох, тётушки мои святые. Ты придумал. Ты нашёл. Это оно, оно!

Он так разволновался, что у него сдавило горло, и он несколько секунд не мог ничего сказать. Он подошёл и сел на край моей койки и сидел молча, медленно кивая головой.

— Ты правда думаешь, что это сработает? — спросил я.

— Да, — тихо произнёс он. — Прекрасно сработает. Твой метод позволит нам подготовить двести изюмин, и нам останется только на закате разбросать их по просеке, где кормят фазанов, и отойти в сторонку. Через полчаса, когда стемнеет и егеря уйдут домой, мы вернёмся в лес... а фазаны к тому времени будут уже на деревьях... а таблетки как раз начнут действовать... а фазаны почувствуют слабость и вялость... они зашатаются и будут изо всех сил стараться удержать равновесие... но вскоре каждый фазан, который съел хоть *одну-единственную изюминку*, потеряет сознание и кувырком полетит на землю. Они посыплются с ветвей, как яблоки! А нам останется только ходить да собирать их.

— А мне можно с тобой, пап?

— И нас ни за что не поймают, — продолжал папа, не слыша меня. — Мы просто бродим по лесу, по пути иногда роняем пару изюмин то здесь, то там, и даже если за нами будут специально *следить*, всё равно ничего не заметят.

— Папа, — я повысил голос, — но ты *разрешить* мне пойти с тобой?

— Данни, милый, — сказал папа, кладя руку мне на колено и глядя мне в лицо глазами большими и яркими, как звёзды, — если эта штукавина сработает, она произведёт *революцию* в браконьерском деле!

— Хорошо, папа, но можно мне пойти с тобой?

— Пойти со мной? — переспросил он, выныривая наконец из своих грёз. — Но, мальчик мой дорогой, конечно можно! Это же твоя идея! Ты должен своими глазами видеть её воплощение! А теперь — к делу! — воскликнул он, подскочив на ноги. — Где пилюли?

Бутылочка с красными капсулами стояла у раковины. Она стояла там с того самого дня, как папа вернулся из больницы. Теперь он принёс её, отвинтил крышку и высыпал все капсулы на моё одеяло.

— Давай их пересчитаем, — сказал он.

Мы вместе сосчитали капсулы. Их оказалось ровно пятьдесят.

— Этого мало, — сказал папа. — Нам-то нужно как минимум двести. Но стой! — вдруг вскрикнул

он. — Погоди! Нет проблемы! — Он начал аккуратно собирать капсулы обратно в бутылочку, приговаривая: — Нам всего лишь нужно, Данни, разделить порошок из каждой капсулы на четыре изюмины. Иными словами, расчетверить. Четверть капсулы — одна доза. И тогда мы спокойно заполним двести изюмин.

— Но усыпит ли фазана четверть капсулы? — засомневался я.

— Конечно усыпит, мой мальчик. Вот прикинь. Во сколько раз фазан меньше человека?

— Во много, во много раз.

— Ну вот, сам видишь. Если одной таблетки достаточно, чтобы усыпить взрослого мужчину, то для фазана потребуется самая чуточка этой дозы. Фазан вырубится напроць, не успев и глазом моргнуть.

— Но, папа, двести изюмин не значит двести фазанов.

— Это почему?

— Потому что самые жадные фазаны наверняка заглотят по десять изюмин!

— Вот тут ты прав, — сказал папа. — Что да, то да. Но всё же я почему-то не думаю, что это случится. Особенно, если я буду очень осторожен и рассыплю изюм на большой площади. Ты, главное, не волнуйся, Дanni. Я уверен, что справлюсь.

— И ты обещаешь взять меня с собой?

— Несомненно, — сказал он. — И мы назовём этот метод «Спящая красавица». С него начнётся новая эпоха в истории браконьерства!

Я сидел на своей койке очень ровно и следил, как папа сыпает капсулы в бутылочку. Мне с трудом верилось, что всё это правда, что мы правда это сделаем, что мы с папой вдвоём овистнем практически всю стаю мистервикторфундукковых отборных фазанов. От одной мысли об этом по коже у меня пробежало электричество.

— Заманчиво, правда? — сказал папа.

— Мне даже думать об этом страшно, пап. У меня прямо мурашки.

— И у меня, — сказал он. — Но теперь мы, наоборот, должны быть спокойны как никогда. Нужно очень тщательно всё продумать. Сегодня среда. Начало сезона охоты — в субботу.

— Ничего себе! — воскликнул я. — Это что же, осталось всего три дня? Когда мы пойдём в лес и всё это устроим?

— В ночь накануне, — сказал папа. — В пятницу. И когда они обнаружат, что фазаны исчезли, будет уже слишком поздно — вечеринка будет в разгаре.

— Но пятница уже послезавтра! Папа, папа, надо спешить, нам же предстоит подготовить двести изюминок!

Папа встал и принялся мерить шагами кибитку.

— Излагаю план действий, — сказал он. — Слушай внимательно... Завтра четверг. Я отведу тебя в школу, а потом пойду в лавку Купера в деревне и куплю два пакета изюма без косточек. И мы его замочим на ночь.

— Но тогда нам остаётся только один день, пятница, на то, чтобы подготовить двести изюмин, — сказал я. — Ведь каждую надо надрезать, наполнить порошком и снова зашить, а я весь день буду в школе...

— Не будешь, — сказал папа. — В пятницу ты проснёшься с ужасной простудой, и я буду вынужден оставить тебя дома.

— Ура! — сказал я.

— И в пятницу мы вообще не откроем заправку, — продолжал он. — Вместо этого мы запрямся дома и будем готовить изюм. Вдвоём мы легко управимся за день. А вечером выйдем на дорогу и напрямик в лес. Всё ясно?

Он был как генерал, разъясняющий своему штабу план сражения.

— Всё ясно, — ответил я.

— И смотри, Данни, в школе никому ни звука!

— Папа, ты же знаешь, я нем как рыба!

Он поцеловал меня на ночь и прикрутил лампу, но я ещё долго не мог уснуть.

Четверг и школа

Назавтра был четверг. Утром, прежде чем отправиться с папой в школу, я обошёл кибитку и сорвал с нашей яблони два яблока, одно для папы, другое для себя.

До чего это расчудесно — угоститься собственным яблоком в любой момент, как только захочешь! Конечно, так бывает только осенью, когда яблоко поспеет, но всё равно, много ли на свете таких счастливых семей? Одна на тысячу, а то и меньше. Сорт наших яблок назывался «Ранет оранжевый Кокса», и это нравилось мне почти так же сильно, как сами яблоки.

В восемь утра мы пошагали в школу под бледным осенним солнцем, хрустя яблоками.

Дзынь! Дзынь! — звякала папина железная нога.

— Ты взял с собой денег на изюм? — спросил я.

Он сунул руку в карман и позвенел монетами.

— А лавка Купера будет открыта в такую рань?

— Да, — ответил он. — Она открывается в полдевятого.

Как я любил эти утренние походы с папой в школу! Мы всю дорогу разговаривали. Чаще говорил он, а я слушал, и всё, что он говорил, было потрясающе

интересно. Он был настоящий сельский житель. Поля, ручьи, леса и все их обитатели были частью его жизни. Хотя по специальности он был механиком, и к тому же очень хорошим механиком, я думаю, что он мог бы стать великим учёным, если бы получил хорошее образование.

Он давным-давно обучил меня названиям всех деревьев, и полевых цветов, и всевозможных трав. И всех птиц я тоже узнавал — не только по виду, но и по крикам и песням.

Весной мы с ним по дороге выискивали птичьи гнёзда, и когда мы находили гнездо, он поднимал меня и сажал к себе на плечи, чтобы я тоже мог туда заглянуть и увидеть яйца. Но трогать их он мне не разрешал.

Папа говорил, что птичье гнездо с яйцами — одна из самых прекрасных вещей в мире. И я тоже так думал. Взять хотя бы гнездо певчего дрозда, выстланное изнутри сухой глиной, гладкой, как полированное дерево, с пятью яйцами чистейшего лазурного цвета в чёрную крапинку. Или гнездо жаворонка, которое мы однажды нашли прямо в поле, в зарослях травы, и в нём было шесть крошечных яиц, тёмно-коричневых с белым.

— Почему жаворонок вьёт гнездо на земле, ведь на него могут наступить коровы? — спросил я.

— Никто не знает почему, — ответил папа. — Но жаворонки всегда так делают. И соловьи тоже гнездятся на земле. И ещё фазаны, куропатки, тетерева.

Однажды прямо перед нами из живой изгороди вынырнула ласка, и в следующие несколько минут я узнал очень многое об этом расчудесном зверьке. Больше всего мне понравилось, когда папа сказал: — Храбрее ласки зверя нет. Мама-ласка будет биться до смерти, защищая своих детёнышей. Она никогда не убежит, даже от лисы, хотя та в сто раз крупнее. Она останется рядом с гнездом и будет сражаться с лисой до последней капли крови.

В другой раз я сказал:

— Пап, ты слышишь, как стрекочет кузнечик?

А папа ответил:

— Нет, это не кузнечик, мальчик мой. Это сверчок. А знаешь, что у сверчков уши на ногах?

— Неправда!

— Чистая правда. А у кузнечиков — на боках. И тем и другим ужасно повезло, потому что большинство прочих насекомых на этой планете глухи и немые и живут в беззвучном мире.

В тот четверг на этом самом пути в школу мы услышали, как в ручейке за живой изгородью квакает лягушка.

— Слышишь, Данни?

— Да, — сказал я.

— Это лягушка-бык. Он зовёт свою жену. Он раздувает свой голосовой мешок и отпускает — получается мычание.

— Что такое голосовой мешок?

— Это такие складки кожи на гортле. Он их раздувает, как воздушный шарик.

— А когда жена его услышит, что тогда?

— Она поскачет к нему. Она очень рада, что он её позвал. Но я тебе скажу кое-что смешное про этого лягуха. Частенько он так наслаждается звуками собственного голоса, что обо всём забывает, и жене приходится хорошенько попинать его, чтобы он прекратил мычать и наконец-то её обнял.

Я расхохотался.

— Не смейся слишком громко, — сказал папа,

подмигивая мне обоими глазами по очереди. — Мы, мужчины, не больно-то отличаемся от лягушки-быка.

У ворот школы мы расстались, и папа пошёл покупать изюм. Дети стекались к воротам и шли по дорожке, ведущей к школе. Я молча влился в этот поток. Я был хранителем страшной тайны, и одно неосторожное слово могло привести к провалу величайшей браконьерской экспедиции, каких ещё не видывал мир.

У нас была маленькая деревенская школа, приземистое одноэтажное унылое здание из красного кирпича. Над входом в кирпичную кладку был вмурован большой серый каменный блок, на котором была высечена надпись: «ЭТА ШКОЛА ВОЗДВИГНУТА В ЧЕСТЬ КОРОНАЦИИ ЕГО КОРОЛЕВСКОГО ВЫСОЧЕСТВА КОРОЛЯ ЭДУАРДА VII». Я читал эту надпись не меньше тысячи раз. Всякий раз, когда я входил в школу, она бросалась мне в глаза. Подозреваю, что затем она там и висела. Однако ужасно скучно читать одно и то же снова и снова, и я часто думал о том, как было бы здорово, если бы на этой доске каждый день появлялась новая надпись, что-нибудь действительно интересное. Вот у моего папы это бы отлично получилось. Он мог бы каждое утро мелом писать на этом сером камне что-нибудь новенькое. Например, он мог бы написать: «ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО БАБОЧКА-МОНАРХ ЧАСТО НОСИТ СВОЮ ЖЕНУ НА СПИНЕ?» А в другой раз: «У РЫБКИ-ГУППИ

ЕСТЬ ЗАБАВНЫЕ ПРИВЫЧКИ. КОГДА ГУППИ ВЛЮБЛЯЕТСЯ В ДРУГУЮ ГУППИ, ОН КУСАЕТ ЕЁ ЗА ПОПУ». А в другой раз: «ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО БАБОЧКА МЁРТВАЯ ГОЛОВА УМЕЕТ ПИЩАТЬ?»

А в следующий раз: «У ПТИЦ ПОЧТИ НЕТ ОБОНЯНИЯ. ЗАТО У НИХ ОТЛИЧНОЕ ЗРЕНИЕ, И ОНИ ОБОЖАЮТ КРАСНЫЙ ЦВЕТ. ОНИ ЛЮБЯТ КРАСНЫЕ И ЖЁЛТЫЕ ЦВЕТЫ, А СИНИЕ НЕ ЛЮБЯТ». Или он мог бы написать так: «У НЕКОТОРЫХ ПЧЁЛ ЕСТЬ ЯЗЫК, И КОГДА ОНИ ЕГО ВЫСОВЫВАЮТ, ОН ПОЧТИ ЧТО ВДВОЕ ДЛИННЕЕ САМОЙ ПЧЕЛЫ. ПОЭТОМУ ОНИ УМЕЮТ СОБИРАТЬ НЕКТАР ИЗ ОЧЕНЬ ДЛИННЫХ И УЗКИХ ЦВЕТКОВ». Или, например, папа мог бы написать: «СПОРИМ, ВЫ НЕ ЗНАЛИ, ЧТО В НЕКОТОРЫХ БОЛЬШИХ АНГЛИЙСКИХ СЕЛЬСКИХ УСАДЬБАХ КАМЕРДИНЕРЫ ПО СЕЙ ДЕНЬ ГЛАДЯТ УТЮГОМ УТРЕННЮЮ ГАЗЕТУ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ПОЛОЖИТЬ ЕЁ К ЗАВТРАКУ НА СТОЛ ХОЗЯИНУ?»

В нашей школе училось примерно шестьдесят мальчиков и девочек возрастом от пяти до одиннадцати лет. У нас было четыре класса и четверо учителей.

Малышей пяти-шести лет учила мисс Птичигласс, и она была очень милая. У неё в ящике учительского стола хранился пакетик анисового драже, и каждому, кто хорошо отвечал на уроке, она давала горошинку

драже и разрешала тут же забрасывать её в рот. С анисовым драже главный фокус — не грызть его. Если перекатывать его во рту, оно медленно тает, со своей собственной скоростью, пока наконец в самой его серединке не обнаруживаешь крошечное коричневое семечко. Это и есть собственно анисовое семя, и когда его раскусываешь, вкус просто неземной. Папа говорил мне, что собаки без ума от анисового семени.

Охотник на лис может волочить мешочек анисового семени много миль, по всей округе, и фоксхаунды будут бежать за ним как миленькие, потому что обожают этот запах. Это называется охота с пахучей приманкой.

Семи- и восьмилеток учил мистер Коррадо, тоже симпатичный человек. Это был очень старый учитель, лет шестидесяти или больше, но это не мешало ему быть влюблённым в мисс Птичигласс. Мы знали, что он в неё

влюблён, потому что за обедом, когда была его очередь накрывать на стол, он всегда клал ей на тарелку лучшие куски мяса. А когда она ему улыбалась, он улыбался в ответ самой умильной улыбочкой, какую вы только можете себе представить, показывая все свои передние зубы, верхние и нижние, да и задние тоже.

Учитель, которого называли Капитан Ланкастер, учил девяти- и десятилетних учеников, а это значит, что в тот год он учил и меня.

Этот капитан Ланкастер, иногда для краткости именуемый Ланкерс, был жуткий человек. У него были огненно-морковные волосы, коротко стриженные морковные усики и огненно-вспыльчивый нрав. Из носа и ушей у него тоже торчали морковные волоски. Во время войны с Гитлером он служил в армии капитаном,

потому-то он и называл себя «капитан Ланкастер» вместо обычного «мистер». Мой папа говорил, что это идиотство. Миллионы воевавших на этой войне, говорил он, ещё живы, но большинство из них хочет забыть всё это как кошмарный сон, особенно эти треклятые воинские звания. Капитан Ланкастер был свиреп, и все мы перед ним трепетали. Он сидел за своим столом, поглаживая морковные усики, и обводил нас своими водянистыми бледно-голубыми глазками, высматривая непорядок. И пока он так сидел, он издавал носом странное сопение и фырканье, как пёс, вынюхивающий кроличью нору.

Мистер Снодди, наш директор, вёл старший класс — одиннадцатилетних, — и его все любили. Он был маленький и кругленький, с громадным алым носом. Мне было очень его жаль из-за этого носа. Нос был такой большой и такой пламенеющий, что, казалось, мог взорваться в любую секунду вместе со своим обладателем.

Особенно занятно в мистере Снодди было то, что он всегда входил в класс со стаканом воды и весь урок пил её маленькими глоточками. То есть все *думали*, что в стакане вода. Все, кроме меня и моего лучшего друга Сидни Моргана. Мы знали, что там кое-что другое. Вот как мы это выяснили. Мой папа обслуживал машину мистера Снодди, и я всегда сам приносил в школу счета за ремонт, чтобы экономить почтовые марки. Однажды на перемене я пошёл в кабинет

мистера Снодди отдавать ему счёт, и Сидни Морган пошёл со мной. Не зачем-то, а просто так.

Мы просто были с ним не разлей вода. Так вот, когда мы вошли, мистер Снодди стоял у стола и пополнял свой знаменитый стакан из бутылки с этикеткой «Гордонс джин». Он увидел нас и подпрыгнул примерно на милю в высоту.

— Стучаться надо, — сказал он, незаметно суя бутылку за стопку книг.

— Извините, сэр, — сказал я. — Я принёс счёт от отца.

— А, — сказал он. — Да. Хорошо. А тебе что надо, Сидни?

— Ничего, сэр, — сказал Сидни Морган. — Совсем ничего.

— Тогда брысь, оба! — сказал мистер Снодди, не убирая руку с бутылки, припрятанной за стопкой книг. — Бегом!

В коридоре мы уговорились, что не скажем никому из детей о том, что видели. Мистер Снодди всегда был к нам добр, и мы хотели отплатить ему добром, сохранив его страшную тайну.

Единственным, кому я об этом рассказал, был мой папа. Услышав эту историю, он сказал:

— Я его ничуть не виню, ни капли. Если бы я имел несчастье быть женатым на миссис Снодди, я бы выпил кое-что покрепче джина.

— Что же ты выпил бы, папа?

— Яд, — сказал он. — Она чудовищная женщина.

— Почему чудовищная?

— Она в некотором роде ведьма, — сказал он. — Взять хотя бы то, что у неё на ногах по семь пальцев.

— Откуда ты знаешь? — спросил я.

— Мне рассказал док Спенсер, — ответил папа. И добавил, чтобы сменить тему: — Может, пригласишь Сидни Моргана к нам поиграть?

С тех самых пор как я начал ходить в школу, папа предлагал мне пригласить друзей к нам на автозаправку — к чаю или к ужину. И каждый год, примерно за неделю до моего дня рождения, он говорил: «Давай в этот раз устроим вечеринку, Данни. Напишем приглашения, а я пойду в деревню и куплю шоколадных

эклеров и пончиков, и большущий именинный торт со свечками».

Но я всегда отнекивался и никогда не приглашал детей к нам поиграть — ни после школы, ни в выходные. И не потому, что у меня не было приятелей. Были, и много. В том числе и близкие друзья, особенно Сидни Морган. Может быть, живи я с кем-то из них на одной улице, а не далеко на отшибе, всё было бы иначе. А может, и нет. Понимаете, главная причина, по которой я не хотел никого звать к себе поиграть, заключалась в том, что мне было хорошо вдвоём с папой!

Кстати, в тот четверг, утром, когда папа попрощался со мной у ворот школы и пошёл покупать изюм, произошло нечто кошмарное. Шёл первый урок, капитан Ланкастер дал нам целую кучу примеров на умножение и велел решать в тетрадках. Я сидел рядом с Сидни Морганом в последнем ряду, и мы пыхтели над этими примерами. Капитан Ланкастер сидел напротив нас за своим столом и подозрительно оглядывал класс своими водянистыми глазками. Даже с последнего ряда было слышно, как он похрапывает и посапывает носом, как пёс у кроличьей норы.

Сидни Морган прикрыл рот рукой и еле слышно прошептал мне:

— Сколько будет восемью девять?

— Семьдесят два, — прошептал я в ответ.

Палец капитана Ланкастера выстрелил, как пуля,

прямо мне в лицо.

— Эй, ты! — гаркнул капитан. — Встать!

— Я, сэр? — переспросил я.

— Да, ты, идиот несчастный!

Я встал.

— Ты разговаривал на уроке! — рявкнул он. — Что ты говорил? — Он кричал на меня, как будто я взвод солдат на плацу. — Давай, выкладывай!

Я стоял ровно и молчал.

— Отказываешься отвечать?

— Прошу прощения, сэр, — сказал Сидни. — Это я виноват. Я ему задал вопрос.

— Ах, вопрос? Ну-ка встать!

Сидни встал рядом со мной.

— И что же за вопрос ты ему задал? — сказал капитан Ланкастер угрожающе тихим голосом.

— Спросил, сколько будет восемью девять, — сказал Сидни.

— А ты, надо полагать, ему ответил? — спросил капитан Ланкастер, снова нацелив палец на меня. Он никогда никого из нас не называл по имени. Всегда «ты», или «мальчишка», или «девчонка», или что-то в этом духе. — Ответил или нет? Признавайся, мальчишка!

— Да, сэр, — ответил я.

— Значит, вы жульничали! — воскликнул он. — Вы оба!

Мы молчали.

— Жульничество — отвратительная привычка, при-
сущая беспризорникам и сорванцам! — сказал он.

С того места, где я стоял, мне было видно, что весь класс сидит абсолютно ровно, не сводя глаз с капита-
на Ланкастера. Никто не смел шевельнуться.

— Может быть, дома вам позволяют жульничать, мо-
шенничать и обманывать, — продолжал он, — но у себя
в классе я этого не потерплю!

В этот миг мной вдруг овладела слепая ярость,
и я выкрикнул ему в лицо:

— Я не обманщик!

В классе повисла зловещая тишина. Капитан Лан-
кастер поднял подбородок и уставился на меня водя-
нистыми глазками:

— Ты не только обманщик, но и наглец, — тихо про-
говорил он. — Чрезвычайно наглый мальчишка. По-
дойди ко мне. Оба подойдите ко мне.

Выходя из-за своей парты и делая первый шаг в его
направлении, я уже точно знал, что сейчас произой-
дёт. Я много раз видел, как это происходило с други-
ми, и с мальчиками, и с девочками. Но до этого момен-
та со мной этого никогда не случалось. Всякий раз, ко-
гда я это видел, у меня начинал болеть живот.

Капитан Ланкастер поднялся из-за стола и подо-
шёл к высокому книжному шкафу, стоявшему слева
у стены. Он дотянулся до самой верхней полки и до-
стал с неё ужасного вида палку.

Она была белая, эта палка, белая как кость, и очень длинная и очень тонкая, и один конец у неё был загнут, как у тросточки для прогулок.

— Ты первый, — сказал он, указывая на меня палкой. — Вытяни левую руку.

Почти невозможно было поверить, что этот человек сейчас причинит мне физическую боль, причём совершенно хладнокровно. Поднимая левую руку ладонью вверх и вытягивая её вперёд, я посмотрел на эту ладонь, на розовую кожу, на пересекающие её линии

руки — и не мог заставить себя вообразить, что с ней сейчас произойдёт.

Длинная белая палка взвилась в воздух и опустилась на мою ладонь с треском, напоминающим ружейный выстрел. Я сначала услышал этот треск и только через пару секунд почувствовал боль. Никогда за всю свою предыдущую жизнь я не испытывал такой боли. Как будто кто-то прижал к моей ладони раскалённую докрасна кочергу, прижал и держит. Я помню, как схватил свою несчастную левую руку правой и зажал между колен. Я сжимал колени всё сильнее и сильнее, как будто старался не дать руке развалиться на части. Я сумел не разрыдаться в голос, но не сумел сдержать слёз, и они катились по щекам.

Где-то рядом раздался ещё один пугающий свист и треск — и я понял, что настала очередь бедняги Сидни.

Но эта боль, эта невыносимая, мучительная, жгучая боль в руке! Почему она не проходит? Я глянул на Сидни. Он, как и я, зажал руку между коленями, и лицо у него страшно искривилось.

— Сели на место, оба! — приказал капитан Ланкастер.

Мы поплелись на свои места и сели.

— А теперь приступили к работе! — велел этот жуткий голос. — И не смей больше обманывать! И наглости я тоже не потерплю!

Все склонили головы над тетрадками, словно прихожане в церкви, шепчущие молитву.

Я посмотрел на свою руку. Поперёк ладони, там, где начинаются пальцы, тянулся длинный уродливый след, примерно в полдюйма шириной. Он вспух посередине, и вся опухшая полоса была совершенно белая, а полосы по обе стороны от неё — красные. Я пошевелил пальцами. Они нормально шевелились, но было больно. Я посмотрел на Сидни. Он бросил на меня виноватый взгляд из-под ресниц и снова углубился в примеры.

Когда я пришёл из школы, папа был в мастерской. — Я купил изюм, — сказал он. — Сейчас мы его замочим. Сбегай принеси мне миску с водой, Данни.

Я пошёл в кибитку, достал миску, наполнил её водой до половины, принёс в мастерскую и поставил на верстак.

— Вскрой пакеты и высыпь в воду весь изюм, — сказал папа.

Вот это мне в нём ужасно нравилось. Это была одна из самых прекрасных его черт — то, что он не пытался ничего делать за меня. Шла ли речь о трудной и сложной работе, например о ремонте карбюратора в большом двигателе, или о том, чтобы просто высыпать изюм из пакета в миску, — папа всегда предоставлял мне свободу действий, а сам наблюдал, готовый в любую минуту прийти на помощь. Вот и сейчас он смотрел, как я вскрываю первый пакет изюма.

— Эй! — вдруг вскрикнул он и схватил меня за левое запястье. — Что это у тебя с рукой?

— Ничего, — ответил я, сжимая кулак.

Он заставил меня разжать кулак. Длинная алая метина тянулась поперёк ладони, как ожог.

— Кто это сделал? — крикнул папа. — Капитан Ланкастер?

— Да, пап, но это ничего.

— Что произошло?! — Он сжал моё запястье с такой силой, что мне стало почти больно. — Расскажи подробно, что.

Я всё ему рассказал. Он стоял, держа меня за запястье, а лицо его белело. Я видел, как в нём вскипает опасная ярость.

— Я его убью! — еле слышно прошипел папа, когда я закончил свой рассказ. — Клянусь, я его убью! — Его глаза блестели, а с лица совсем сошла краска. Я никогда ещё не видел его таким.

— Забудь, папа.

— Забыть?! Ты не сделал ничего дурного, и он не имел абсолютно никакого права так с тобой поступать. Значит, он назвал тебя обманщиком, так?

Я кивнул.

Он снял свою куртку с гвоздя на стене и начал одеваться.

— Куда ты? — спросил я.

— Я пойду к этому Ланкастеру домой и оставлю от него мокрое место!

— Нет! — крикнул я и вцепился ему в руку. — Не надо,

папа, пожалуйста! Из этого не выйдет ничего хорошего. Пожалуйста, не делай этого!

— Я должен, — сказал он.

— Нет! — закричал я и потянул его за руку. — Ты всё испортишь! От этого станет только хуже! Пожалуйста, забудь!

Папа заколебался. Я не выпускал его руку. Он молчал, но я видел по его лицу, что приступ гнева проходит.

— Это отвратительно, — сказал он.

— Спорим, с тобой тоже так поступали, когда ты учился в школе? — спросил я.

— Конечно.

— И спорим, твой папа не бросался оставлять мокрое место от учителя, который это делал?

Папа посмотрел на меня, но ничего не сказал.

— Ну скажи, папа, ведь не бросался же!

— Не бросался, — ответил он тихо.

Я отпустил его руку и помог ему снять куртку и повесить обратно на гвоздь.

— Сейчас я замочу изюм, — сказал я. — И не забывай, что завтра у меня будет ужасная простуда, и я не пойду в школу.

— Да, — сказал папа. — Верно.

— Нам предстоит начинить двести изюмин, — напомнил я.

— Это точно, — сказал папа.

— Надеюсь, мы успеем в срок, — сказал я.

— Она ещё болит? — спросил он. — Твоя рука.

— Нет, — сказал я. — Ни чуточки.

Мне кажется, это его успокоило. И хотя весь день и вечером тоже он поглядывал на мою руку, он больше не затрагивал эту тему.

В тот вечер папа не рассказывал мне сказку на ночь. Он сел на край моей койки, и мы стали обсуждать то, что должно было произойти на следующий день в Фундукковом лесу. И я так разволновался и так взвинтился, что не мог уснуть. Подозреваю, что и папа точно так же разволновался и взвинтился, потому что, когда он залез на койку, он долго ворочался и тоже никак не мог уснуть.

Примерно в пол-одиннадцатого он слез с койки и поставил чайник.

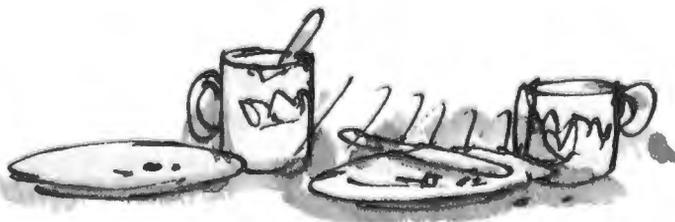
— Что случилось, папа?

— Ничего, — сказал он. — Устроим полуночный пир?

— Да, давай.

Он зажёл лампу, открыл банку тунца и сделал нам по вкуснейшему бутерброду. Ещё он сделал мне горячего какао, а себе чаю. Потом мы снова заговорили о фазанах, о Фундукковом лесе...

Уснули мы только глубокой ночью.

Пятница

Когда наутро папа разбудил меня в шесть, я сразу понял: день настал. Тот самый день, о котором я так мечтал и которого так боялся. Тот самый день, когда в животе трепещут бабочки, только с той разницей, что это были не вполне бабочки. Это были змеи. В животе у меня извивались змеи с того самого момента, как я открыл глаза в ту пятницу утром.

Первое, что я сделал, одевшись, — это повесил на один из насосов табличку «ИЗВИНИТЕ, ЗАКРЫТО». Мы наскоро позавтракали и уселись за стол в кибитке готовить изюм. Изюмины были толстые, мягкие, разбухшие, оттого что ночь пролежали в воде, и когда мы надрезали их лезвием, шкурка раскрывалась, и желеобразная субстанция с лёгкостью выскальзывалась наружу.

Я рассекал изюмины, а папа открывал капсулы. Он открывал одну капсулу и высыпал белый порошок на листок бумаги. Затем он лезвием ножа делил порошок на четыре крошечные кучки. Потом он тщательно собирал каждую кучку и высыпал в изюмину. Игла и чёрная нитка завершали процедуру. Сшивание

изюмин было, конечно, самой трудной частью работы, и папа почти полностью взял его на себя. Чтобы разделаться с одной изюминой от начала до конца, требовалось примерно две минуты. Мне это очень нравилось. Это было здорово.

— Твоя мама великолепно шила, — сказал папа. — Уж она бы расправилась со всем этим изюмом в мгновение ока.

Я ничего не сказал. Всегда, когда папа заговаривал о маме, я не знал, что сказать.

— Ты знал, что она всю мою одежду шила сама, Дanni? Всё, что я носил.

— Даже носки и свитера?

— Да, — подтвердил он, — только их она вязала. Да как быстро! Когда она вязала, спицы в её пальцах

мелькали с такой скоростью, что их невозможно было рассмотреть. Они расплывались перед глазами. Я сидел тут вечерами и смотрел на неё, а она говорила о наших будущих детях.

«У меня будет трое детей, — часто говорила она. — Мальчик для тебя, девочка для меня и ещё один ребёнок на всякий случай».

Повисла тишина. Потом я спросил:

— Пап, а когда мама была жива, ты часто уходил из дому по ночам или только изредка?

— Ты имеешь в виду браконьерство?

— Да.

— Часто, — ответил он. — Не реже двух раз в неделю.

— А она не возражала?

— Конечно нет! Она ходила со мной.

— Не может быть!

— Ходила, да ещё как. Всегда. Она перестала ходить, только когда ты уже вот-вот должен был родиться. Сказала, что уже не может быстро бегать.

Я попытался осмыслить эту невероятную новость. Потом сказал:

— А она ходила с тобой только потому, что она тебя любила и хотела быть с тобой? Или потому что ей нравилось браконьерствовать?

— И то и другое, — сказал папа. — По обеим причинам.

Я начинал понимать, какой бесконечной печалью стала для него её смерть.

— А ты не боялся, что её подстрелят? — спросил я.

— Боялся, Данни. Но до чего же было расчудесно, когда она была рядом. Она была молодчина, твоя мама.

К полудню у нас было готово сто тридцать шесть изюмин.

— Мы взяли отличный темп, — сказал папа. — Давай сделаем перерыв на обед.

Он открыл банку печёных бобов и подогрел их в кастрюльке над керосинкой. Я отрезал два куса чёрного хлеба и разложил по тарелкам. Папа ложкой выловил из кастрюльки горячие бобы, положил их на хлеб, мы вышли на крыльцо, поставили тарелки рядом с собой и сели, свесив ноги.

Обычно я обожал хлеб с печёными бобами, но в тот день не мог и крошки проглотить.

— Что случилось? — спросил папа.

— Не хочется есть.

— Не волнуйся, — сказал он. — Точно так же было и со мной, когда я первый раз шёл на дело. Мне было примерно столько же, сколько тебе, ну, может, чуточку больше, и в те времена мы в пять часов вечера всегда пили чай. Я прекрасно помню, что в тот вечер было на столе. Это была моя самая любимая на свете еда — сосиска в тесте, «жаба в норе», — а моя маманя умела готовить «жабу в норе» как никто. Она делала это в гигантской сковороде, с йоркширским пудингом с очень коричневой и хрустящей корочкой, которая

вспучивалась огромными горами, а в промежутках между этими горами виднелись сосиски. Фантастическая картина. Но в тот день я не мог съесть и кусочка — желудок мой как будто пытался выпрыгнуть наружу. У тебя сегодня, наверно, что-то похожее.

— У меня он полон змей, — сказал я, — и все они извиваются.

— Мой тоже ведёт себя не как обычно, — сказал папа. — Но и день сегодня необычный, верно?

— Да уж, совсем необычный.

— Ты понимаешь, что мы затеяли, Данни? Мы затеяли самую колоссальную и экстраординарную браконьерскую операцию в истории человечества!

— Не нужно дальше говорить об этом, папа, а то я совсем изведусь. Во сколько нам выходить?

— Я всё продумал, — сказал он. — Мы должны прийти в лес за пятнадцать минут до заката. Если мы придём после заката и фазаны уже устроятся на насестах, будет поздно.

— А когда закат? — спросил я.

— Примерно в семь тридцать, — сказал он. — Значит, нам надо оказаться в лесу ровно в семь пятнадцать. До леса полтора часа ходу, значит, выйти нам нужно без четверти шесть.

— Тогда пора ускоряться с изюмом, — сказал я. — Нам ещё больше шестидесяти штук осталось.

Мы покончили с изюмом, и у нас было ещё два часа

свободного времени. Изюмины лежали горкой на белой тарелке в центре стола.

— Ну разве не красавицы? — сказал папа, потирая руки. — Фазаны будут от них в полном восторге.

После этого мы слонялись по мастерской, не зная, куда себя деть. Наконец в полшестого папа сказал:

— Пора! Начинаем собираться. Через пятнадцать минут выходим.

Мы зашагали к кибитке, и тут к нашим насосам подъехал «универсал». За рулём была женщина, а сзади дети. Их было не меньше восьми, и все они уплетали мороженое.

— Простите, — крикнула женщина в окно, — я вижу, что вы закрыты, но нельзя ли мне хоть пару-тройку галлонов, очень вас прошу! У меня почти пустой бак. — Она была симпатичная, темноволосая.

— Залей ей бензину, — велел папа. — Только побыстрее.

Я принёс из конторы ключ и открыл один насос. Я наполнил ей бак, взял деньги, отдал сдачу.

— Обычно вы так рано не закрываетесь, — сказала она.

— А нам надо уходить, — сказал я, переступая с ноги на ногу и слегка подпрыгивая. — Мы с папой спешим.

— Ты как будто очень нервничаешь, — сказала она. — Прыгуч как заяц. Наверно, вы идёте к зубному врачу?

— Нет, мадам, — сказал я. — Не к зубному врачу. Простите, но мне пора.

В лес

Папа спустился из кибитки в старом тёмно-синем свитере и коричневой матерчатой кепке с козырьком, надвинутым по самые брови.

— Что там у тебя, пап? — спросил я, заметив выпуклость у него вокруг талии.

Папа приподнял свитер и показал мне два тонких, но очень больших белых полотняных мешка. Они были обмотаны у него вокруг живота.

— Чтобы нести всякое-разное, — сказал он загадочно.

— А-га.

— Пойди надень свитер, — сказал папа. — Он ведь у тебя коричневый?

— Да, — сказал я.

— Подойдёт. Но тольконими эти белые кеды и надень вместо них чёрные ботинки.

Я поднялся в кибитку, переобулся и натянул свитер. Когда я спустился, папа стоял у насосов и, прищурившись, озабоченно глядел на солнце. Оно стояло всего лишь на ширину его ладони выше, чем ряд деревьев на вершине холма в дальнем конце долины.

— Я готов, папа.

— Молодец. Вперёд!

— А изюм у тебя? — спросил я.

— Изюм здесь, — сказал он, похлопывая себя по карману штанов, из которого тоже что-то выпирало. — Я сложил его в пакет.

Стоял безветренный солнечный вечер, в небе неподвижно висели завитки ослепительно белых облачков, и когда мы двинулись по дороге, бегущей меж холмов к Вендоверу, в долине было прохладно и очень тихо. Железная штукovina у папы на ступне при каждом шаге левой ногой позвякивала по дороге, как молоток по гвоздю.

— Вот так-то, Данни. Мы идём к цели, — сказал папа. — Эх, если бы мой старик папаша был сейчас с нами. Он бы не колеблясь отдал за это все свои верхние зубы.

— Моя мама тоже пошла бы с нами, — сказал я.

— О да. — Папа негромко вздохнул. — Маме бы это ох как пришлось по душе.

Потом он сказал:

— Твоя мама, Данни, обожала прогулки. И всегда приносила домой что-нибудь такое, чтобы в нашей кибитке стало веселее. Летом — полевые цветы или травы. Такие букеты невероятно красиво смотрятся в кувшине с водой, особенно если добавить колосья пшеницы или ячменя. Осенью она собирала листья, зимой — ягоды или бородатый лишайник...

Мы прошли ещё немного, и папа спросил:

— Как ты себя чувствуешь, Данни?

— Лучше не бывает, — ответил я.

И это была правда. Потому что, хотя в животе у меня по-прежнему извивались змеи, в этот момент я не соглашался бы поменяться местами даже с шейхом.

— Как ты думаешь, они там не понавыкопали ещё ям? — спросил я.

— Об этом не беспокойся, Данни, — сказал папа. — На сей раз я буду начеку. Мы пойдём по лесу очень медленно и осторожно.

— Но ведь будет уже совсем темно?

— Не совсем, — сказал папа. — Наоборот, будет ещё довольно светло.

— А как же егеря?

— Вот! — сказал папа. — Это как раз самое интересное. Это же игра в прятки! Самая крутая игра в прятки в мире.

— Самая крутая — это потому что у них ружья?

— Ну, — сказал он, — это тоже придаёт игре определённую остроту.

После этого мы почти не разговаривали. Но чем ближе был лес, тем беспокойнее становился папа. Я видел, как волнение нарастало в нём. К нему прицепилась какая-то жуткая старая песенка, и он стал напевать её, но без слов — «тум-тиддли-ум-тум-тум-тум-тум», и так много-много раз. Потом он переключился на другую песню: «Пом-пиддли-ом-пом-пом-пом-пом, пом-пиддли-ом, пом-пиддли-ом». Он пел, стараясь попадать в такт звяканью железной ноги по дороге.

Потом ему надоело петь, и он сказал:

— Я тебе расскажу кое-что интересное про фазанов, Данни. Закон гласит, что это дикие птицы, поэтому они могут считаться чьими-то, только пока обитают на его земле. Ты это знал?

— Нет, папа, не знал.

— Так вот, если какой-то из фазанов мистера Фундукка перелетит из леса на нашу заправку, — сказал папа, — он будет считаться нашим. Никто другой

не будет иметь права к нему прикоснуться.

— То есть... даже если мистер Фундукк сам купил этого фазана, когда тот был ещё птенцом? Даже если он его купил и сам растил в своём собственном лесу?

— Именно так, — сказал папа. — Как только фазан улетел с его земли — всё, он ему больше не принадлежит. Если, конечно, не прилетит обратно. Тут точно так же, как с рыбой. Если форель или лосось уходит с твоего участка реки на чужой, ты не можешь взять и заявить: «Эй, это моя рыба, отдавайте мне её обратно!»

— Конечно не могу, — сказал я. — Но я не знал, что и с фазанами так же.

— Не только с фазанами, — сказал папа, — со всей дичью. Зайцы, олени, куропатки, тетерева, кто хочешь.

Мы шли ровным шагом уже примерно час с четвертью. Уже виднелся тот проём вживой изгороди, откуда начиналась тропа, ведущая вверх по холму к лесу с фазанами.

Мы вошли в проём, поднялись по тропе к вершине холма и увидели перед собой лес, огромный и тёмный. Солнце уже садилось за деревья, и сквозь листья просвечивали золотые искры.

— Там, в лесу, молчком, Данни, — предупредил папа. — Держись вплотную ко мне и постарайся не задевать веток.

Пять минут — и мы дошли до леса. Он тянулся

по правому краю тропы, так что нас от него отделяла только живая изгородь.

— Идём, — сказал папа и, раздвинув её, на четвереньках вполз в лес. Я последовал за ним.

В лесу было прохладно и сумрачно. Туда вообще не проникал солнечный свет. Мы встали во весь рост, папа взял меня за руку, и мы вместе зашагали среди деревьев. Я был очень благодарен ему за то, что он держит меня за руку. Я хотел взять его за руку с того самого момента, как мы вошли в лес, но побоялся, что ему это не понравится.

Папа был весь в напряжении. Он высоко поднимал ноги и неслышно опускал их на коричневые листья. Он непрерывно вертел головой, пристально водя глазами из стороны в сторону, высматривая опасность. Я пытался делать то же самое, но вскоре мне за каждым деревом начал мерещиться егерь, и я перестал.

Мы прошли так минут, наверно, пять, постепенно углубляясь в лес.

Вдруг у нас над головами, в пологе леса, появился просвет — большой лоскут неба, и я догадался, что мы приближаемся к просеке. Папа раньше говорил мне, что на просеку в начале июля привозят птенцов, и здесь они начинают привыкать к лесу, здесь их кормят, поят и сторожат, и здесь многие из них в силу привычки остаются вплоть до сезона охоты.

— На просеке всегда полным-полно фазанов, — сказал

тогда папа.

— И егерей тоже, пап?

— Да, — ответил он. — Но вокруг неё густые кусты, и это нам на руку.

До поляны оставалось около сотни ярдов. Мы укрылись за высоким деревом, и папа стал пристально осматриваться. Он вглядывался в каждую крошечную тень и в каждый закуток леса, который открывался нашим взглядам.

— Дальше до просеки — ползком, — прошептал он и выпустил мою руку. — Держись прямо за мной, Дanni, не отставай и делай в точности то же, что делаю я. Если увидишь, что я лёг ничком, — сразу ложись

так же. Уговор?

— Уговор, — прошептал я в ответ.

— Тогда вперёд!

Папа встал на четвереньки и пополз вперёд. Я — за ним. Он передвигался на четвереньках поразительно быстро, и поспевать за ним было трудно. Каждые несколько секунд он оглядывался, проверяя, всё ли у меня в порядке, и всякий раз, когда он так делал, я кивал ему и улыбался.

Мы ползли и ползли, и наконец доползли до зарослей кустов прямо на краю просеки. Папа толкнул меня локтем в бок, указывая, куда смотреть. Я сквозь ветки проследил за его взглядом.

Пресека кишмя кишела фазанами. Меж пеньков прогуливалось не меньше двух сотен здоровенных птиц. — Теперь ты понял, о чём я говорил? — прошептал папа.

Это была сказочная картина, воплощённая мечта браконьера. И до чего же они были близко! Некоторые из них расхаживали шагах в десяти от того места, где мы притаились в засаде. Курочки были толстенькие, сливочно-коричневые, такие круглые, что их грудное оперение просто-таки мело землю при ходьбе.

Петушки же были стройные и грациозные, с длинными хвостами и блестящими красными пятнами вокруг глаз, словно в очках с алой оправой. Я покосился на папу. На лице его был написан восторг. Рот его был приоткрыт, глаза, неотрывно смотревшие на фазанов, ярко блестели.

— Егерь, — произнёс он еле слышно.

Я застыл. В первые мгновения я даже боялся переводить взгляд.

— Вон там, — прошептал папа.

Не шевелись, напомнил я себе. Даже головой не верти.

— Смотри внимательно, — шептал папа. — На той стороне, под большим деревом.

Я медленно повернул глазные яблоки в ту сторону, куда он указывал. И наконец увидел.

— Папа! — шепнул я.

— Не шевелись, Данни. Оставайся на месте.

— Да, но, пап...

— Всё в порядке. Он нас не видит.

Мы сильнее припали к земле, не сводя глаз с егеря. Это был щуплый человечек, на голове у него была кепка, а под мышкой — двуствольный дробовик. Егерь не шевелился. Он стоял неподвижно, как оловянный солдатик.

— Уходим? — прошептал я.

Лицо егеря было скрыто козырьком его кепки, но мне казалось, что он смотрит прямо на нас.

— Уходим, папа?

— Тш-ш, — прошептал он.

Медленно-медленно, не отрывая взгляда от егеря, папа сунул руку в карман и вытащил одну-единственную изюминку. Он положил её на ладонь правой руки и быстрым, лёгким, еле заметным движением — только запястье дёрнулось — подбросил в воздух. Изюмина пролетела над кустами и приземлилась в ярде от пары курочек, стоявших у старого пня. Обе они при падении изюмины резко повернули головы.

Потом одна из них подпрыгнула и быстро клюнула землю. Кажется, всё. Свершилось.

Я посмотрел на егеря. Тот не шелохнулся.

Я чувствовал, как по лбу, а потом по щеке ползёт струйка холодного пота, но не осмеливался поднять руку и вытереть её.

Папа бросил на просеку вторую изюмину... третью... четвёртую... пятую...

Для такого нужно быть храбрецом, думал я. Отчаянным смельчаком. Если б я был один, я бы и на секунду тут не задержался. Но папа был словно в каком-то браконьерском трансe. Ради этого он сюда и пришёл. Ради этого момента — самого опасного.

Он бросал и бросал изюминки, одну за другой, стремительно и беззвучно. Мелькает запястье — изюминка взлетает вверх, высоко над кустами, и приземляется среди фазанов.

Вдруг я заметил: егерь оглядывается и осматривает лес у себя за спиной.

Папа тоже это заметил. Он молниеносно выхватил из кармана весь пакет с изюмом и пересыпал в правую ладонь.

— Папа! — шёпотом взмолился я. — Не надо!

Но он взмахнул рукой — и вся пригоршня изюма взвилась над кустами и полетела на просеку.

Изюмины упали с тихим шорохом, как капли дождя на сухие листья. Все до единого фазаны, должно быть, услышали этот звук. Раздалось хлопанье крыльев, и птицы бросились искать сокровища.

Голова егеря резко обернулась, как будто в шее у него была пружина.

Птицы как сумасшедшие клевали изюм. Егерь быстро сделал два шага вперёд, и мне показалось, что он решил выяснить причины такого переполоха. Однако он остановился, поднял голову и стал медленно оглядывать края просеки.

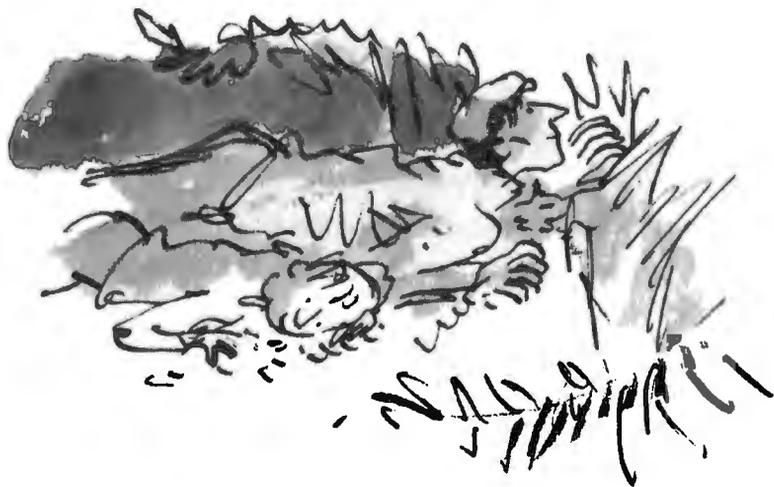
— Прижмись к земле, — шепнул мне папа. — Замри, не шевелись!

Я распластался на земле и прижался щекой к бурым листьям. Почва под ними пахла странно и резко, как пиво. Краешком глаза я видел, как папа приподнял голову — самую малость, только чтобы наблюдать за егерем. Папа не сводил с него глаз.

— Ну разве это не счастье? — шепнул он мне.

Я не осмеливался отвечать.

Мы лежали и лежали — кажется, прошло лет сто.

Наконец я услышал папин шёпот:

— Отбой тревоги. Давай за мной, Данни. Но будь предельно осторожен — он всё ещё там. *И не вставай — только ползком!*

И он быстро пополз, упираясь в землю ладонями и коленями. А я пополз за ним. Я всё время думал о егере, который был где-то у нас за спиной. Я чувствовал его присутствие собственным мягким местом, и так же остро чувствовал, что это моё собственное мягкое место сейчас приподнято и торчит. Я начинал понимать, почему «браконьерский зад» — такая распространенная болезнь.

Так, на четвереньках, мы отползли ярдов на сто от просеки.

— Теперь бежим! — скомандовал папа.

Мы вскочили на ноги, побежали и через несколько минут выбрались из проёма в живой изгороди на тропу.

Какая радость — безопасное, открытое пространство!

— Всё прошло расчудесно! — выговорил папа, тяжело дыша. — Ну скажи, ведь расчудесно же? — Лицо его покраснелось и торжествующе сияло.

— А егерь нас не заметил? — спросил я.

— Конечно нет! Через несколько минут солнце начнёт садиться, все фазаны вспорхнут на насест, а егерь поплетётся домой ужинать. Тогда нам только и останется, что вернуться и собрать их, как камешки!

Он опустился на траву под живой изгородью. Я сел рядом. Он обнял меня за плечи:

— Молодчина, Данни, — сказал он. — Я тобой по-настоящему горжусь.

Егерь

Мы сидели на траве под изгородью, дожидаясь темноты. Солнце уже зашло, и небо было дымчато-голубым, с лёгким желтоватым налётом. В лесу за нашими спинами тени и просветы между деревьями из серых превращались в чёрные.

— Предложи мне сейчас перенестись в какую угодно точку мира, — сказал папа, — я откажусь.

Лицо его лучилось счастьем.

— Мы это сделали, Данни, — сказал он, ласково опустив руку мне на колено. — У нас вышло. Разве ты не рад?

— Я счастлив, — сказал я. — Но только мне было немножко страшно.

— Так это и есть самое главное в браконьерстве! — сказал папа. — Чтобы было страшно до чёртиков. За это мы его и любим. Гляди: сокол!

Я посмотрел, куда он показал, и увидел пустельгу. Она величественно парила в темнеющем небе над вспаханым полем по другую сторону от тропы.

— Это его последний шанс раздобыть себе ужин, — сказал папа. — Ещё чуть-чуть, и добычу уже не разглядеть.

Несмотря на очень быстрый трепет крыльев, пустельга висела в небе неподвижно. Её как будто подвесили на невидимой нити, словно игрушечную птичку к потолку.

Затем сокол вдруг сложил крылья и с умопомрачительной скоростью ринулся вниз. Это зрелище всегда меня восхищало.

— Как ты думаешь, папа, кого он увидел?

— Может быть, крольчонка, — сказал папа. — Или полёвку. Или лесную мышь. Кто бы это ни был, ему не повезло: против пустельги ни у кого из них нет шансов.

Мы подождали: взлетит сокол снова или нет. Он не взлетел, а это означало, что он поймал свою добычу и ужинает на земле.

— А сколько будет действовать снотворное? — спросил я.

— Вот этого я не знаю, — сказал папа. — Думаю, часа полтора.

— С фазанами может быть по-другому.

— Может быть, — согласился он. — Так или иначе, надо ещё немного подождать. Пусть егеря разойдутся по домам. Они уйдут, как только стемнеет. Я прихватил нам по яблоку, — добавил он, выуживая их из кармана.

— Ранет оранжевый Кокса, — сказал я, улыбаясь. — Спасибо большое!

Мы сидели и хрустели яблоками.

— Вот что мне нравится в ранете оранжевом Кокса, — сказал папа, — так это то, что, когда яблоко спелое, косточки в нём гремят, как погремушка. Вот потряси и послушай.

Я потряс своё полусъеденное яблоко. Косточки загремели.

— Осторожно! — вдруг прошептал папа. — Кто-то идёт!

Этот человек внезапно и бесшумно вынырнул из полумрака и приблизился к нам раньше, чем папа успел его заметить.

— Это другой егерь, — прошептал папа. — Сиди спокойно и ни звука.

Мы оба следили, как егерь спускается к нам по тропе. Под мышкой у него был дробовик, а у ноги его шёл чёрный лабрадор. Егерь остановился в нескольких шагах от нас. Пёс тоже остановился и стал позади него, глядя на нас из-под егерских ног.

— Добрый вечер, — вежливо и дружелюбно сказал папа.

Этот егерь был высоким и костлявым, с жёстким взглядом, жёсткими скулами и жёсткими опасными руками.

— Я тебя знаю, — сказал он, подойдя ещё ближе. — Обоих вас знаю.

На это папа ничего не ответил.

— Ты с автозаправки. Так?

Губы у него были тонкие, сухие, и на них виднелось

что-то коричневое, вроде запёкшейся корки.

— Ты с заправки, это твой сын, и вы живёте в той старой грязной кибитке, так?

— Это что, игра такая? — спросил папа. — Вроде викторины «Двадцать вопросов»?

Егерь сплюнул. Я следил, как плевок пролетел

по воздуху и с хлюпающим звуком приземлился в пыль в шести дюймах от папиной загипсованной ноги. Он выглядел как зародыш устрицы.

— Проваливайте, — сказал егерь. — Убирайтесь. Быстро.

Когда он говорил, его верхняя губа приподнималась над дёснами, и за ней виднелся ряд мелких потемневших зубов. Один из них был совсем чёрный. Остальные были коричневато-жёлтые, вроде гранатовых зёрнышек.

— Так уж вышло, что это общественная тропа, — сказал папа. — Будьте так любезны, не досаждайте нам.

Егерь переложил дробовик из-под левой мышки под правую.

— Вы подозрительные лица, — сказал он, — вы околаваетесь тут с явным намерением нарушить общественный порядок. Я мог бы вас арестовать.

— Нет, не мог бы, — сказал папа.

Я не на шутку взволновался.

— Вижу, у тебя нога сломана, — сказал егерь. — Ты случайно не падал в глубокую яму?

— Мы с тобой неплохо прогулялись, Данни, — сказал папа и снова положил руку мне на колено, — а сейчас пора домой, ужинать.

Он встал, и я тоже встал. Мы пошли по тропе вниз, туда, откуда пришли, а егерь так и остался стоять где стоял и вскоре скрылся из виду в сгущавшемся сумраке.

— Это старший егерь, — сказал папа. — Его фамилия Кроллег.

— Мы что, правда идём домой, папа?

— Домой?! — воскликнул он. — Мальчик мой, всё только начинается! Ну-ка давай сюда.

Справа от нас была калитка, ведущая в поле. Мы перелезли через неё и присели за живой изгородью.

— Мистера Кроллега тоже ждёт ужин, — сказал папа. — Так что ты о нём не беспокойся.

Мы тихонько посидели за изгородью, ожидая, пока егерь отправится домой. На небе уже светило несколько звёздочек, и за нашими спинами, на востоке, поднималась над холмами большая, в три четверти, луна.

— Его пёс — это серьёзно, — сказал папа. — Когда они будут проходить мимо, задержи дыхание и старайся не шевельнуть ни единым мускулом.

— Но ведь он всё равно нас унюхает, — сказал я.

— Нет, — ответил папа. — Ветра нет, а значит, наш запах до него не долетит. Осторожно! Вон они идут. Не шевелись!

Егерь вприпрыжку спускался по тропе, пёс бежал рядом, быстро перебирая мягкими лапами. Я глубоко вдохнул и задержал дыхание.

Когда они миновали нас и прошли ещё подальше, папа поднялся на ноги и сказал:

— Путь свободен. Сегодня он уже не вернётся.

— Ты уверен?

— Совершенно уверен, Данни.

— А тот, второй, на просеке?

— Тот тоже уйдёт.

— А что, если один из них поджидает нас в начале тропы? — спросил я. — У дыры в изгороди?

— Им нет смысла так поступать, — ответил папа. — Из Фундуккова леса к дороге ведут путей двадцать, не меньше. Мистер Кроллег это прекрасно знает.

Мы постояли за изгородью ещё несколько минут, для верности.

— Ну разве не распрекрасно, Данни, — сказал папа, — что в этот самый миг двести фазанов устраиваются на насест в этих деревьях и уже начинают покачиваться и терять равновесие? Скоро они станут плюхаться с веток, как капли дождя.

Луна в три четверти была уже высоко над холмами, а небо было усеяно звёздами, когда мы снова перемкнули через калитку и пошли обратно, вверх, к лесу.

Чемпион мира

На этот раз в лесу оказалось вовсе не так темно, как я ожидал. Отблески и блики яркой луны просвечивали сквозь листья и придавали лесу холодно-жутковатый облик.

— Я прихватил нам фонарики, — сказал папа. — Они нам попозже понадобятся. — Он вручил мне карманный фонарик в виде авторучки. Я включил его. Из фонарика протянулся длинный узкий луч поразительной яркости. Я пошевелил фонариком — как будто взмахнул на фоне деревьев очень длинной и белой волшебной палочкой — и выключил его.

Мы двинулись обратно к той просеке, где фазаны склевали наш изюм.

— Сегодня, — сказал папа, — впервые в мировой истории человек совершит попытку изловить фазанов, уснувших на насесте. И к тому же разве не распрекрасно, что можно спокойно ходить-бродить, не опасаясь егерей?

— А ты не думаешь, что мистер Кроллег может прокрасться сюда, просто на всякий случай?

— Ни за что, — сказал папа. — Он ушёл домой ужинать.

Я не мог отделаться от мысли, что, будь я мистером Кроллегом и встретить я двух подозрительных типов, которые слоняются у входа в мой бесценный фазаний лес, я уж точно не ушёл бы домой ужинать. Папа, должно быть, почувствовал мой страх, потому что он снова нащупал в темноте мою руку и переплёл свои длинные тёплые пальцы с моими.

Так, рука в руке, мы брели сквозь лес к просеке. Несколько минут — и мы на месте.

— Вот здесь мы разбросали наш изюм, — сказал папа.

Я изо всех сил вглядывался сквозь кусты. Просека в лунном свете казалась бледно-молочной.

— Что мы теперь делаем? — спросил я.

— Просто ждём, — сказал папа. Я с трудом разглядел его лицо под козырьком. Губы его были бледны, щёки горели, глаза ярко сверкали.

— Они все сейчас на насестах, папа?

— Да. Они тут, вокруг нас, со всех сторон. Они никогда далеко не улетают.

— А я увижу их, если посвечу фонариком на ветки?

— Нет, — сказал он. — Они взлетают очень высоко и прячутся в листве.

Мы стояли и ждали, пока что-нибудь произойдёт.

Но ничего не происходило. В лесу было очень тихо.

— Данни, — сказал папа.

— Что, пап?

— Я как раз думал: а как птицы ухитряются сохранять

равновесие, когда они спят на ветке?

— Не знаю, — сказал я. — А что?

— Это очень странно, — сказал он.

— Что странно?

— Странно, что птица не валится с насеста сразу, как только уснёт. Вот если бы *мы* уснули сидя на ветке, мы бы сразу упали, правда же?

— Но у птиц длинные пальцы с когтями, папа. Наверно, они цепляются ими за ветки.

— Это я понимаю, Данни. Но я не понимаю, почему эти пальцы и когти продолжают цепляться за ветки, когда птица засыпает. Ведь когда ты засыпаешь, твои пальцы сразу расслабляются.

Я ждал, что он скажет дальше.

— Я просто подумал, — сказал он, — если птица может держать равновесие, когда спит, то почему, спрашивается, она должна упасть, когда примет снотворное?

— Потому что снотворное её одурманивает, — сказал я. — Она от него одуреет. А когда она одуреет, то сразу упадёт.

— Но это же просто очень *крепкий* сон, — возразил папа. — Почему мы должны ожидать, что она упадёт, если она просто очень крепко спит?

Повисло мрачное молчание.

— Я должен был проверить на петухах, — добавил папа. — Кровь разом схлынула с его щёк, и лицо

стало таким бледным, что я испугался, как бы он не потерял сознание. — Мой папаша всегда и всё проверял сперва на петухах.

И в этот момент за нашими спинами раздался тихий *шлён*.

— Что это? — спросил я.

— Ш-ш-ш!

Мы замерли, вслушиваясь.

Шлён!

— Вот, опять, — сказал я.

Это был тяжёлый глухой звук, как будто кто-то уронил мешок с песком.

Шлён!

— Это фазаны! — крикнул я.

— Подожди!

— Это фазаны, папа!

Шлён! Шлён!

— Похоже, ты прав, Данни!

Мы зажгли фонарики и побежали на звук.

— Где они? — спросил папа.

— Вот тут, папа! Два точно где-то тут!

— А мне казалось, вот там. Смотри в оба!

Они явно где-то близко!

Мы искали их с минуту.

— Вот один! — воскликнул папа.

Он держал обеими руками

великолепного петушка. Мы осмотрели его со всех сторон, освещая фонариками.

— Он одурманен до зелёных чертей, — сказал папа. — С неделю не проснётся.

Шлёп!

— Ещё один! — крикнул я.

Шлёп! Шлёп!

— Ещё два! — крикнул папа.

Шлёп!

Шлёп! Шлёп! Шлёп!

— Ничего себе! — сказал папа.

Шлёп! Шлёп! Шлёп! Шлёп!

Шлёп! Шлёп!

Вокруг нас с деревьев падали фазаны — всё чаще и чаще, как капли дождя. Мы заметались в темноте, освещая землю фонариками.

Шлёп! Шлёп! Шлёп! Три фазана упали чуть ли не на меня. Я был как раз под тем деревом, с которого они падали, и немедленно нашёл всех трёх — двух петушков и курочку. Они были безвольные и тёплые, и перья у них были чудесно мягкие на ощупь.

— Куда мне их девать, пап? — окликнул я.

— Сюда, Данни! Складывай их в кучу вот здесь, где светло.

Папа стоял на краю поляны, залитый лунным светом, и держал в каждой руке по пучку фазанов. Лицо его сияло, глаза были изумлённо раскрыты и тоже ярко сияли, и он озирался вокруг с видом ребёнка, обнаружившего, что мир сделан из шоколада.

Шлёп!

Шлёп! Шлёп!

— Как их много! — сказал я.

— Как они прекрасны! — воскликнул папа. Он свалил оба свои пучка фазанов в кучу и побежал собирать дальше.

Шлёп! Шлёп! Шлёп! Шлёп!

Шлёп!

Теперь искать фазанов было совсем легко. Под каждым деревом лежал фазан, а то и два. Я быстро поднял шестерых, по три в каждой руке, прибежал назад и положил их к остальным. Потом принёс ещё шесть. И ещё.

А фазаны всё падали и падали.

Папа метался между деревьями, как безумный призрак, и луч фонарика метался вместе с ним. Всякий раз, когда папа находил очередную птицу, он издавал краткий победный клич.

Шлёп! Шлёп! Шлёп!

— Эй, Данни! — позвал он.

— Я тут! Что, папа?

— Как ты думаешь, что сказал бы великий мистер Виктор Фундук,

если бы это увидел?

— Давай не будем об этом, — сказал я.

Фазаны падали ещё минуты три-четыре, а потом вдруг перестали падать.

— Ищем дальше! — крикнул папа. — Их на земле ещё полно!

— Пап, — сказал я, — может, нам пора убираться, пока не поздно?

— Ни за что! — воскликнул он. — Ни за что на свете!

И мы продолжили поиски. Мы искали под всеми до единого деревьями в сотне ярдов от просеки — к северу и к югу, к востоку и к западу — и, думаю, мы нашли почти всех фазанов. Наша куча превратилась в гору высотой с пламя костра.

— Это чудо, — повторял папа. — Это совершенное чудо. — Он смотрел и смотрел на них, как заморожённый.

— Берём по шесть штук и бежим? — предложил я.

— Я хочу сосчитать их, Данни.

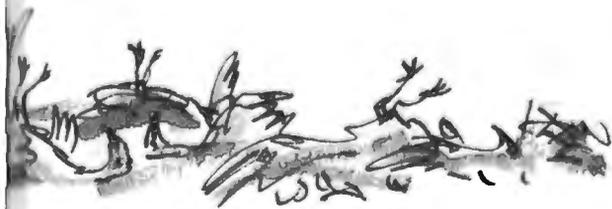
— Папа! Не сейчас!

— Я *должен* их пересчитать.

— Может, потом?

— Один... два... три... четыре...

Пересчитывая фазанов, он брал каждого в руки,

внимательно оглядывал и откладывал в сторону. Луна теперь стояла прямо над головой, и вся просека была залита её сиянием. Я чувствовал себя словно в свете фар, переключённых на дальний.

— Сто семнадцать... сто восемнадцать... сто девятнадцать... *сто двадцать!* — воскликнул он. Таким счастливым я не видел его никогда в жизни. — Это рекорд! Предел моего папаши был пятнадцать, и он потом целую неделю пил на радостях! Но это... это, мальчик мой милый, *мировой рекорд!*

— Наверняка так и есть, — сказал я.

— И это всё сделал ты, Данни! Это была твоя идея!

— Это не я, папа.

— Разумеется, ты! И ты знаешь, что это значит, мальчик мой? Это значит, что ты — чемпион мира! — Папа закатал свитер и размотал два полотняных мешка, которые были обёрнуты у него вокруг живота. — Вот твой, — сказал он, встряхивая один мешок и вручая мне. — Наполняй его скорее!

Луна светила так ярко, что я сумел прочесть на мешке: *Дж. В. Крамп, Кестонские мельницы, Лондонские верфи, 17.*

— А вдруг тот егерь с коричневыми зубами затаился за деревом и глядит на нас? — сказал я.

— Исключено, — ответил папа. — Если он где-то и затаился, то внизу, на нашей заправке, чтобы поймать нас на горячем, когда мы придём с добычей.

Мы принялись складывать фазанов в мешки. Они были обмякшие, с безвольными шеями; кожа под перьями была ещё тёплая.

— Но мы не дотащим их до дому! — сказал я.

— Конечно не дотащим. Нам и не придётся. На тропе нас будет ждать такси.

— *Такси!* — воскликнул я.

— Мой папаша всегда ехал с большого дела на такси, — сказал папа.

— Но почему вдруг такси, с какой стати?

— Потому что так надёжнее, если хочешь сохранить всё в тайне. Когда ты едешь в такси, никто тебя не видит, кроме водителя.

— А кто водитель? — спросил я.

— Чарли Кинч. Он только рад оказать нам услугу.

— А он что, тоже знает про браконьерство?

— Кто, старина Чарли Кинч? Ещё бы. Он в своё время наловил больше фазанов, чем мы с тобой продали галлонов бензина.

Мы набили мешки фазанами, и папа взвалил свой мешок на плечо. Я не мог так же поступить со своим — он был слишком тяжёл для меня.

— А ты тяни его, — сказал папа. — Тащи волоком по земле.

В моём мешке было шестьдесят птиц, и весил он, наверно, тонну.

Но он прекрасно скользил по сухим листьям,

а я пятился задом и тянул его за собой обеими руками.

Мы пришли к кромке леса и сквозь живую изгородь выглянули на дорогу.

— Чарли, дружок, — очень тихо позвал папа.

Старик, сидевший за рулём такси, высунул голову на лунный свет и одарил нас хитрой беззубой улыбкой.

Мы пролезли сквозь изгородь, волоча за собой мешки.

— Привет-привет-привет, — сказал Чарли Кинч. — Это что у вас такое?

Такси

Через две минуты мы уже спокойно ехали в такси по той же бугристой тропе вниз, к дороге.

Папа едва не лопался от гордости и волнения. Он то и дело наклонялся вперёд, хлопал Чарли Кинча по плечу и повторял:

— Ну, что скажешь, Чарли? Как тебе наш улов?

А Чарли искоса поглядывал назад, на наши гигантские мешки, и откликнулся:

— С ума сойти, парень! Как тебе это удалось?

— Это всё Данни! — с гордостью говорил папа. — Мой сын Данни — чемпион мира! •

Потом Чарли сказал:

— Боюсь, у мистера Виктора Фундукка завтра, на открытии сезона, будет наблюдаться некоторая нехватка фазанов, а, Вильям?

— Ох, будет, Чарли, — согласился папа. — Именно что некоторая нехватка.

— Все эти большие шишки, — продолжал Чарли, — съедутся к нему издалека в своих больших сверкающих машинах, но им нечего будет подстрелить! Ни одной чёртовой пташки во всей округе! — Чарли Кинч

зафыркал и залился смехом, так что чуть не съехал на обочину.

— Папа, — сказал я, — но что же ты станешь делать со всеми этими фазанами?

— Разделю между друзьями, — сказал папа. — Начну с Чарли. Ему причитается дюжина. Что скажешь, Чарли?

— Это было бы в самый раз, — сказал Чарли.

— Ещё дюжина — доку Спенсеру. И ещё одна дюжина — Еноху Кактотаку...

— *Сержанту* Кактотаку? — Я ахнул от удивления.

— Разумеется, — сказал папа. — Енох Кактотак — один из самых старинных моих друзей.

— Енох — хороший парень, — подхватил Чарли Кинч, — просто отличный.

Кто такой сержант Енох Кактотак, я знал прекрасно. Это был деревенский полицейский. Рослый и толстый, с колючими чёрными усами, он прохаживался по главной улице, туда-сюда, надменной и важной походкой представителя власти. Серебряные пуговицы на его мундире сверкали как бриллианты, и один его вид нагонял на меня такой страх, что я сразу перебежал на другую сторону улицы.

— Енох Кактотак любит полакомиться жареным фазаном ничуть не меньше, чем все прочие, — заметил папа.

— Спорим, он и в ловле фазанов неплохо разбирается, — добавил Чарли Кинч.

Это известие оглушило меня, но и обрадовало: раз сержант Кактотак — такой же человек, как и все прочие, то, может быть, я перестану так сильно его бояться?

— Ты прямо сегодня ночью будешь их раздавать, папа? — спросил я.

— Нет, Данни, не сегодня ночью. Из браконьерской вылазки всегда надо возвращаться домой с пустыми руками. Ведь ты не можешь быть уверен, что мистер Кроллег или кто-то другой из его шайки не подстерегает тебя под дверью?

— Кстати, он хитёр как лис, этот мистер Кроллег, — сказал Чарли Кинч. — Неплохо было бы втихаря сыпануть фунт сахару в его бензобак, чтобы не шастал потом вокруг твоего дома. Мы всегда заранее подсыпали сахарок в их баки. Странно, Вильям, что ты не озаботился этим, прежде чем идти на такое серьёзное дело!

— А что делает сахар? — спросил я.

— Да засоряет всё к чертям, — сказал Чарли Кинч. — После сахара приходится перебирать весь двигатель, иначе машина не заведётся. Верно, Вильям?

— Ещё как верно, Чарли, — ответил папа.

Мы съехали с тропы на дорогу, и Чарли Кинч включил самую высокую передачу и помчался к деревне.

— Ты собираешься оставить этих птичек на ночь у миссис Клипстон? — спросил он.

— Да, — ответил папа. — Езжай напрямик к ней.

— Почему к миссис Клипстон? — спросил я. — Она-то тут при чём?

— Миссис Клипстон всегда делит фазанов, — сказал папа. — Разве я тебе не говорил?

— Нет, ты не говорил, — сказал я, ошеломлённый.

Эта новость оглушила меня ещё сильнее. Миссис Грейс Клипстон была женой преподобного Лайонела Клипстона, местного vicar.

— Делёж фазанов всегда надо доверять почтенной даме, — заявил папа. — Верно я говорю, Чарли?

— Миссис Клипстон — прекрасная женщина, — отзывался Чарли.

Я не верил своим ушам. Выходило, что чуть ли не все жители нашей округи развлекались браконьерством!

— Викарий тоже не прочь отведать на обед жареной фазанятины, — сказал папа.

— А кто прочь? — ответил Чарли Кинч и снова негромко рассмеялся.

Мы уже катили по деревне. На улице горели все фонари, мужчины брели домой из пабов, накачавшись пивом. Я увидел мистера Снодди, моего директора школы: слегка покачиваясь, он пытался тайно проскользнуть к себе домой через чёрный ход. Чего он не замечал, так это каменного, застывшего лица миссис Снодди, которая следила за ним из распахнутого окна второго

этажа.

— Знаешь что, Данни? — сказал папа. — Мы оказали этим птичкам большую любезность, безболезненно их усыпив. Если б не мы, наавтра их ждала бы ужасная участь.

— Их бы к чёрту перестреляли, да и всё, — сказал Чарли Кинч. — Прикончили бы не меньше половины, ручаюсь.

Такси свернуло налево и припарковалось у ворот дома викария. Огни в доме не горели, и никто не вышел нам навстречу. Мы с папой выбрались из машины и перетащили фазанов в угольный сарай на заднем дворе. Потом мы попрощались с Чарли Кинчем и пошагали за две мили домой, на нашу заправку.

Дóма

Вскоре деревня осталась позади. Вокруг не было ни души — только мы вдвоём, папа и я, усталые, но счастливые, шагали под лунным светом по извилистой деревенской дороге.

— Поверить не могу, — то и дело повторял папа. — Просто не могу поверить, что мы это провернули!

— У меня до сих пор сердце колошматится, — сказал я.

— И у меня! У меня тоже! Но скажи, Данни, — он положил руку мне на плечо, — разве мы не роскошно провели время?

Мы шагали посередине дороги, как будто это была наша личная подъездная дорожка, вьющаяся по нашей усадьбе, и как будто всё, что мы видели вокруг, принадлежало нам.

— Ты понимаешь, Данни, — сказал папа, — что в эту самую ночь, в пятницу, тридцатого сентября, мы с тобой, ты и я, сложили в свои охотничьи мешки сто двадцать отборных фазанов из леса мистера Виктора Фундукка?

Я посмотрел на папу. Его лицо сияло от счастья, длинные руки так и взлетали в такт широким шагам

по самой середине дороги, а железная шутовина на ноге звякала: *дзынь, дзынь, дзынь*.

— Жареный фазан! — воскликнул он, обращаясь к луне и к спящей местности. — Самое изысканное, самое сочное блюдо на свете! Ты, по-моему, никогда ещё не пробовал жареного фазана, Данни?

— Никогда, — ответил я.

— Так подожди чуть-чуть! — воскликнул он. — Осталось ждать совсем недолго! У него невероятный вкус! Чистое волшебство!

— А их обязательно надо *жарить*, папа?

— Конечно их надо жарить! Молодую птицу не варят! А почему ты спросил?

— Я просто подумал: а как мы будем их жарить? —

сказал я. — Разве для этого не нужна духовка или что-то в таком духе?

— Разумеется, нужна, — сказал папа.

— Но у нас-то нет духовки, папа. У нас только наша керосинка.

— Знаю, — сказал он. — И поэтому я решил купить электрическую духовку.

— Купить? — вскричал я.

— Да, мальчик мой, — подтвердил папа. — Когда у нас в руках целая стая таких славных фазанов, очень важно обзавестись подходящим оборудованием. Следовательно, завтра утром мы снова идём в деревню и покупаем электродуховку. Например, у мистера Крутилла. И поставим её в мастерской. У нас там полно розеток.

— А это разве не очень дорого?

— Ради жареного фазана можно пойти на любые расходы, — торжественно заявил папа. — И не забывай, Данни: прежде чем поставить фазана в духовку, надо обложить его грудку полосками жирного бекона, чтобы она сделалась румяной и сочной. Ну и хлебный соус нужен, само собой. Придётся приготовить хлебный соус. Жареный фазан без хлебного соуса — не фазан, а недоразумение. Хлебный соус, жареная картошка и варёный пастернак — три вещи, без которых невозможен жареный фазан.

С минуту мы помолчали, наслаждаясь мечтой об этих сказочных яствах.

— И я скажу тебе, что ещё мы должны приобрести, — сказал папа. — Мы должны приобрести морозильную камеру. Это такая штука, в которой еда хранится месяцами и не портится.

— Папа! — воскликнул я. — Нет!

— Как ты не поймёшь, Данни? Даже после того как мы раздарим фазанов всем друзьям — Чарли Кинчу, и преподобному Клипстону, и доку Спенсеру, и Еноху Кактотаку, и всем остальным, — у нас всё равно останется ещё с полсотни птиц. Вот почему нам необходима морозилка.

— Но она же стоит целое состояние!

— Да, и она того стоит! — воскликнул папа. — Только вообрази себе, Данни, мой мальчик: в любой момент, как только нам вздумается поужинать жареным фазаном, нам надо будет всего лишь открыть дверцу морозилки — и пожалуйста! Разве что короли и королевы могут себе такое позволить.

Перед нами дорогу перелетела сипуха. Её большие белые крылья медленно поднимались и опускались в лунном свете.

— А когда ты был мальчиком, папа, у *твоей* мамы в кухне была духовка?

— У неё было кое-что получше духовки, — сказал он. — У неё была печка. Огромная длинная чёрная печка, которую мы набивали углём и круглые сутки поддерживали в ней огонь. Он никогда не гас. А если угля не было, тогда мы топили её дровами.

— А фазанов в ней можно было жарить?

— В ней можно было жарить всё что угодно, Данни. Она была чудесной, наша старушка печка. Зимой она согревала весь дом.

— Но *своей* печки у вас не было, да, пап? У вас с мамой, когда вы поженились? И духовки тоже не было?

— Не было, — подтвердил он. — Мы себе не могли этого позволить.

— Тогда как же вы жарили своих фазанов?

— Ага! — сказал он. — Вот в этом-то и фокус. Мы разводили костёр возле кибитки и жарили их на вертеле, как делают цыгане.

— Что такое вертел? — спросил я.

— Это такой длинный металлический прут, на который ты нанизываешь фазана, кладёшь этот прут над огнём и время от времени поворачиваешь. Ты втыкаешь в землю две палочки с рогаткой на конце, по одной с каждой

стороны костра, и на эти рогатки кладёшь вертел.

— И что, фазан хорошо поджаривается?

— Вполне, — сказал папа. — Но в духовке ещё лучше. Слушай, Данни, у мистера Крутилла в магазине продаются всевозможные распрекрасные духовки. Одна так вообще с кучей круговых шкал и рукояток, она похожа на кабину пилота.

— Ты её и хочешь купить, папа?

— Не знаю, — сказал он. — Завтра решим.

Мы шли и шли, и вскоре впереди, поблёскивая в лунном свете, показалась наша заправка.

— Как ты думаешь, пап, мистер Кроллег нас поджидает? — спросил я.

— Если и поджидает, Данни, ты его не увидишь. Они всегда прячутся за изгородью или за деревом, оттуда подглядывают за тобой и выходят, только если у тебя мешок за плечами или если карманы твои подозрительно оттопыриваются. А мы с тобой ничего не несём. Так что не беспокойся.

Не знаю, следил за нами мистер Кроллег, пока мы шли по заправке к нашей кибитке, или не следил. Ни малейших признаков мистера Кроллега мы не обнаружили. В кибитке папа зажёл лампу, а я зажёл керосинку и поставил чайник, чтобы сделать нам обоим какао.

— Сегодня, — сказал папа через несколько минут, когда мы сидели, прихлёбывая горячее какао, — был самый лучший день во всей моей жизни.

Баю-бай, малютка

Наутро в восемь тридцать папа пошёл в мастерскую и позвонил доку Спенсеру.

— Слушай, док, — сказал он в телефонную трубку. — Если ты сможешь примерно через полчаса заглянуть на заправку, то у меня найдётся для тебя маленький сюрприз. — Доктор сказал что-то в ответ, и папа повесил трубку.

В девять в своей машине прибыл док Спенсер. Папа подошёл к нему, и они о чём-то пошептались за насосами. Внезапно доктор хлопнул в ладоши, подпрыгнул и расхохотался.

— Не может быть! — воскликнул он. — Так не бывает! — Он подбежал ко мне и схватил за руку. — Как я тебя поздравляю, мой мальчик! — кричал он, сжимая и трясая мою руку так яростно, что она чуть не отвалилась. — Какая победа! Какой триумф! Какое чудо! Почему, ну почему не я придумал этот метод? Вы гений, юный сэръ! Слава тебе, честь тебе и хвала, о Дани — чемпион мира!

— А вот и она! — воскликнул папа, указывая на дорогу. — Она едет, док!

— Кто едет? — спросил доктор.

— Миссис Клипстон! — Папа произнёс это с гордостью, как командир, называющий имя своего самого храброго офицера.

Мы все втроём стояли у насосов и смотрели на дорогу.

— Видите её? — спросил папа.

Я с трудом разглядел вдали малюсенькую фигурку. Фигурка приближалась к нам.

— Что это она толкает перед собой, пап?

Папа хитро на меня взглянул.

— Есть ровно один способ безопасной доставки фазанов, — сказал он. — Называется «Под младенцем».

Верно я говорю, док?

— Под младенцем? — переспросил док Спенсер.

— Разумеется. В коляске. И сверху — ребёнок.

— Фантастика! — прошептал доктор.

— Мой папаша изобрёл этот способ много лет назад, — сказал папа, — и он всегда действовал безотказно.

— Блестяще, — сказал док Спенсер. — Только блестящий ум мог выдумать такое.

— А у него и был блестящий ум, — сказал папа. — Ну, док, теперь видишь? А малыш в коляске — это, должно быть, юный Кристофер Клипстон. Ему полтора года. Очаровательное дитя.

— Я сам принимал роды, — сказал док Спенсер. — Он весил восемь фунтов три унции.

Я наконец различил ребёнка — это была маленькая точка высоко в коляске. Верх у коляски был откинут.

— Под этим малышом, — счастливым голосом сказал папа, — больше сотни фазанов. Только представь!

— Не смей меня, — сказал док Спенсер. — Сто фазанов ни в жизнь не уместятся в детской коляске!

— Прекрасно уместятся, если это специальная коляска, — возразил папа. — А эта коляска как раз особая. Она чрезвычайно длинная, чрезвычайно широкая, а главное, чрезвычайно глубокая. В неё и корову можно уместить, если пожелаешь, не говоря уж о сотне фазанов и одном ребёнке!

— Ты сам её смастерил? — спросил я у папы.

— В некотором смысле, Данни. Помнишь, я проводил тебя в школу и пошёл покупать изюм?

— Да, папа. Это было позавчера, — ответил я.

— Да. А после этого я пошёл напрямик к викарию и переделал их коляску в эту Специальную Увеличенную Браконьерскую Модель. Получилась просто красавица. Подожди чуть-чуть, сейчас ты её увидишь. Миссис Клипстон говорит, что толкать её даже легче, чем обычную коляску. Она испытала её на заднем дворе, как только я закончил работу.

— Фантастика, — повторил доктор. — Совершеннейшая фантастика.

— Как правило, — сказал папа, — хватает и самой обычной коляски, какие продаются в магазине. Но ведь раньше никому и никогда не приходилось доставлять в коляске сотню фазанов.

— А на чём сидит малыш? — спросил доктор.

— На фазанах, конечно! — сказал папа. — На фазанов набрасывают покрывало, а на него сажают ребёнка. Получается такой уютный мягкий матрасик из фазанов. Детям нравится.

— Не сомневаюсь, — сказал доктор.

— У юного Кристофера сегодня прекрасная поездка, ему мягко и удобно, — сказал папа.

Мы стояли за насосами и поджидали миссис Клипстон. Было первое октября, стояло одно из тех тёплых и безветренных осенних утр с темнеющим небом

и запахом грозы в воздухе.

Что самое расчудесное в моём папе, думал я, так это то, что он всегда умеет тебя удивить. Невозможно жить с ним бок о бок и не удивляться то одному, то другому.

Он как фокусник, который всё время вытаскивает из шляпы что-нибудь новенькое. Вот сейчас вынул коляску с ребёнком. А через несколько минут вынет что-то другое. В этом я ничуть не сомневался.

— Идёт прямо по деревне с гордым видом, как ни в чём не бывало, — сказал папа. — Молодчина!

— Она, похоже, ужасно торопится, папа, — сказал я. — Она как бы полубежит. Правда ведь, она полубежит,

доктор Спенсер?

— По-моему, ей не терпится избавиться от груза, — сказал доктор.

Папа бросил взгляд на фигурку, спешившую по дороге.

— Я бы сказал, она и вправду идёт быстровато, — осторожно заметил он.

— Да она мчится! — сказал я.

Повисла пауза. Теперь папа уже пристально всматривался в приближавшуюся даму.

— Может, она хочет успеть до дождя, — предположил он. — Наверняка дело в этом. Она думает, что вот-вот начнётся дождь, и боится, как бы дитя не промокло.

— Она могла бы поднять верх коляски, — сказал я.

На это папа не ответил.

— Она бежит! — воскликнул док Спенсер. — Смотрите!

Так оно и было. Миссис Клипстон бежала теперь во всю прыть, как спринтер.

Папа стоял очень прямо и неотрывно смотрел на неё. И в наступившей тишине мне показалось, что я слышу плач младенца.

— Что случилось, папа?

Он не ответил.

— С ребёнком что-то не то, — сказал док Спенсер. — Вот послушайте.

В этот миг миссис Клипстон была примерно

в двухстах ярдах от нас, но это расстояние быстро сокращалось.

— Теперь ты его слышишь, папа?

— Да, теперь я его слышу.

— Вопит как резаный, — сказал док Спенсер.

Пронзительный крик нарастал, с каждой секундой становясь громче, отчаянней, визгливей и неотвратимей.

— У него припадок, — сказал папа. — Хорошо, что у нас есть доктор.

Док Спенсер не сказал ничего.

— Вот потому-то она и бежит, док, — сказал папа. — У него припадок, и она хочет побыстрее оказаться тут, чтобы засунуть его под кран с холодной водой.

— Ну и вопли, — сказал я.

— Если это не припадок, — сказал папа, — то всё равно что-то в этом роде, спорим на что хотите.

— Сомневаюсь я, что это припадок, — сказал доктор.

Папа нетерпеливо переступил с ноги на ногу по гравии подъездной дорожки.

— С младенцами вроде этого каждый день происходит тысяча и одна история, — сказал он. — Верно, доктор?

— Конечно, — сказал док Спенсер. — Каждый день.

— Я знал одного младенца, который сунул руку в колесо своей коляски, между спиц, — сказал папа. — И ему отрезало пальцы. Подчистую.

Доктор улыбнулся.

— Но что бы это ни было, — сказал папа, — лучше б она не бежала, ради всего святого. Иначе это добром не кончится!

На дороге позади дамы с коляской появился длинный грузовик, гружённый кирпичами. Водитель замедлил ход и высунулся из окна посмотреть, что происходит. Миссис Клипстон мчалась дальше, не обращая на него внимания. Она была уже так близко, что я видел её покрасневшее лицо и широко открытый рот, которым она хватала воздух. Я заметил, что на ней были чопорные белоснежные перчатки и смешная крошечная белая шляпка, которая сидела прямо на макушке, как у гриба.

Внезапно из коляски, устремляясь прямо вверх,

выпорхнул гигантский фазан!

Папа издал леденящий душу крик.

Болван за рулём грузовика покатился со смеху.

Фазан очумело похлопал крыльями, потом потерял высоту и приземлился в придорожную траву.

— Ой-ой-ой! — сказал док Спенсер. — Вы это видели?

Из-за грузовика показался продуктовый фургон и забибикал, собираясь обгонять. Миссис Клипстон всё бежала.

И тут — ВЖИК! — из коляски взвился второй фазан.

За ним третий и четвёртый.

— О небо, — сказал док Спенсер. — Я всё понял. *Это снотворные капсулы! Их действие кончается.*

Папа не произнёс ни слова.

Миссис Клипстон на бешеной скорости преодолела последние пятьдесят ярдов и ворвалась на заправку, а из коляски во все стороны летели птицы.

— Да что же это такое? — завопила она, резко затормозила у первого насоса и выхватила из коляски орущего ребёнка.

Видимо, почувствовав облегчение, целая туча фазанов взметнулась в воздух из гигантской коляски.

Их было не меньше сотни. Огромные коричневые птицы, хлопая крыльями, затмили всё небо у нас над головами.

— Снотворное не может действовать вечно, — сказал док Спенсер, грустно качая головой. — К утру его эффект всегда проходит.

Улететь далеко фазаны не могли — они были ещё полусонные. Через несколько секунд они снова опустились и расселись по всей заправке, как саранча. Всё вокруг было покрыто фазанами. Они сидели крыло к крылу вдоль крыши мастерской, и ещё дюжина птиц примостилась на окошке конторы, на карнизе. Некоторые слетели вниз, на полочку, где у нас стояли бутылки со смазочными маслами; другие расположились на капоте машины дока Спенсера. Один петушок с красивым хвостом гордо восседал на верхушке бензонасоса, и очень много птиц, слишком сонных для того, чтобы двигаться, просто сидели на земле у наших ног, распушив перья и моргая крошечными глазками.

Папа оставался на удивление спокойным. Чего

не скажешь о бедняжке миссис Клипстон.

— Они его чуть на куски не расклевали! — рыдала она, прижимая к груди орущего младенца.

— Несите его в кибитку, миссис Клипстон, — сказал папа. — А то эти птицы его нервируют. А ты, Данни, скорее кати коляску в мастерскую.

Миссис Клипстон с младенцем скрылась в кибитке. Я затолкал коляску в мастерскую.

На противоположной от нас стороне дороги, позади грузовика с кирпичами и продуктового фургона, выстроилась цепочка автомобилей. Люди распахивали дверцы, выходили из машин и спешили к нам поглазеть на фазанов.

— Папа, осторожно! — сказал я. — Смотри, кто едет!

До свиданья, мистер Фундукк!

Сверкающий серебристый роллс-ройс резко затормозил и остановился прямо у нашей заправки. Над рулём виднелось огромное розовое пивное лицо мистера Виктора Фундукка. Мистер Виктор Фундукк смотрел на фазанов. Я видел, как отвисла его челюсть, глаза вспучились, точно бледные поганки, а лицо из розового сделалось пунцовым.

Дверца его машины распахнулась, и мистер Фундукк предстал перед нами во всей своей красе. На нём были желтовато-коричневые бриджи и высокие сверкающие сапоги, шею обвивал жёлтый шёлковый шарф в красную крапинку, на голове сидела шляпа на манер котелка. Знаменитый приём в честь открытия охотничьего сезона вот-вот должен был начаться, и мистер Фундукк как раз ехал приветствовать гостей.

Бросив дверь своего роллса открытой, он надвигался на нас, как разъярённый бык. Мы с папой и доком Спенсером стояли плечом к плечу и смотрели на него. Орать на нас он начал с того самого момента, как выбрался из машины, и орал очень долго, всё время, не переставая. Вы, разумеется, хотите знать, что именно он

орал, но я не могу этого здесь повторить. Это были такие грязные и омерзительные слова, что у меня от них уши в трубочку сворачивались. Ругательств, которые вылетали у него изо рта, я никогда до того не слышал и надеюсь не услышать впредь. На губах у него пузырилась белая пена и стекала по подбородку на жёлтый шёлковый шарф.

Я глянул на папу. Папа стоял очень прямо и очень спокойно и ждал, пока закончатся вопли. К нему вернулся обычный румянец, и в уголках его глаз я заметил крошечные морщинки — там пряталась улыбка.

Док Спенсер стоял рядом с папой и тоже был очень спокоен. Он смотрел на мистера Фундукка, как люди смотрят на слизняка на листике салата в собственной тарелке.

Что же касается меня, я был спокоен в гораздо меньшей степени.

— Но это вовсе не ваши фазаны, — сказал наконец

папа. — Они мои.

— Не ври мне! — взревел мистер Фундукк. — Фазаны есть только у меня! Во всей округе ни у кого больше фазанов нет!

— Они на моей земле, — тихо сказал папа. — Они перелетели на мою землю, и до тех пор, пока они остаются на моей земле, они принадлежат мне. Ты что, не знаешь законов, старый ты надутый синемордый бабуин?

Док Спенсер захихикал. Лицо мистера Фундукка из алого сделалось фиолетовым. Глаза его от ярости

выпучились, а щёки раздулись, как будто кто-то накачал его лицо насосом. Он злобно смотрел на папу, а потом перевёл свой злобный взгляд на сонных фазанов, заполонивших нашу заправку.

— Что это с ними? — закричал он. — Что ты с ними сделал?

И тут, гордо вращая педали чёрного велосипеда, к нам приблизилась сила закона в лице сержанта Еноха Кактотака, блистательного и великолепного, в синем мундире со сверкающими серебряными пуговицами. Для меня оставалось загадкой, как сержант Кактотак умудряется учуять беспорядок. Подрались ли где мальчишки или повздорили водители из-за погнутого бампера — можно было не сомневаться, что деревенский полицейский через минуту окажется тут как тут.

Вот и сейчас мы все, притихнув, следили за его приближением. Думаю, примерно так же бывает, когда в большой зал, где полно народу и все болтают между собой, входит какой-нибудь король или президент. Все вмиг умолкают и замирают в знак почтения к важной персоне и представителю власти.

Сержант Кактотак спрыгнул с велосипеда и двинулся к нам, осторожно ступая между фазанами. Лицо его за кустистыми усами не выражало ни удивления, ни гнева, ни иных эмоций. Оно оставалось спокойным и невозмутимым, как и надлежало лицу представителя правопорядка.

С добрых полминуты он неторопливо обводил глазами заправку, особое внимание уделяя фазанам.

Остальные присутствующие, включая мистера Фундукка, молча ждали вердикта.

— Так-так-так, — сказал наконец сержант Кактотак, выпятив грудь и не обращая ни к кому конкретно. — Позволено ли мне будет узнать, что тут происходит? И что это за хвазаны?

У сержанта Кактотака была привычка говорить «хв» вместо «ф».

— Я скажу, что тут происходит! — заорал мистер Фундукк, угрожающе подступая к полицейскому. — Это мои фазаны, а этот мошенник, — он указал на моего папу, — переманил их из моего леса на свою паршивую заправку!

— Переманил? — переспросил сержант Кактотак, переводя взгляд с мистера Фундукка на нас. — Вы это так

хвормулируете?

— Переманил, конечно!

— В таком случае, — сказал сержант, аккуратно при-слоня свой велосипед к одному из наших насосов, — это поразительное обвинение, можно сказать — хван-тастическое, потому что мне ещё не доводилось слышать, чтобы кто-то ухитрился переманить хвазана за шесть миль, через поля и деревню. Или как, по-вашему, про-исходило переманивание, мистер Хвундукк, могу ли я полюбопытствовать?

— Не спрашивай меня, как он их переманил, потому что я не знаю! — завопил мистер Фундукк. — Перема-нил, и всё тут. Доказательство перед тобой! Вот, все мои отборные фазаны сидят здесь, на этом грязном клоч-ке земли, хотя они должны быть на месте, в моём лесу, готовые к началу сезона! — Слова вылетали из его рта, как лава из жерла вулкана.

— Буду ли я хвундаментально прав, — спросил сер-жант Кактотак, — и буду ли я хвормально корректен, если предположу, что сегодня день вашей охотничьей вечеринки, мистер Хвундукк?

— В том-то и дело! — заорал мистер Фундукк, тыча указательным пальцем в грудь сержанта, словно в пи-шущую машинку или калькулятор. — И если я не за-получу своих птиц обратно сию минуту, некоторые очень важные персоны очень сильно разозлятся. А сре-ди моих гостей, да будет тебе известно, не кто иной,

как твой собственный босс, главный констебль графства! Так что пошевеливайся, если тебе дороги твои сержантские нашивки!

Сержант Кактотак явно не любил, когда кто-то, а уж тем более мистер Фундукк, тыкал ему пальцем в грудь. Своё недовольство он выразил подёргиванием верхней губы. Губа эта дёргалась так яростно, что усы ожили и запрыгали, словно лохматый зверёк.

— Минуточку, — сказал сержант мистеру Фундукку. — Минуточку, пожалуйста. Правильно ли я понимаю, что вы обвиняете вот этого джентльмена?

— Ещё как обвиняю! — прокричал мистер Фундукк. — Я знаю, что это он устроил!

— А какими хвактами вы можете подкрепить своё обвинение?

— Да вот же они, факты! Тут куда ни ступи, сплошные факты! Ты случаем не ослеп?

Тут мой папа шагнул вперёд. Он сделал всего лишь один шагок и уставился на мистера Фундукка своими чудесными ярко сияющими глазами.

— Вы, конечно же, знаете, как эти фазаны сюда попали? — тихо спросил он.

— Я, конечно же, понятия не имею, как они сюда попали! — огрызнулся мистер Фундукк.

— Тогда я вам скажу, — продолжил папа, — потому что это на самом деле проще простого. Они знали, что если они останутся в вашем лесу, то их сегодня

пристрелят. Поэтому они перелетели сюда — ждать, пока кончится охота.

— Бред! — рявкнул мистер Фундукк.

— Вовсе не бред, — сказал папа. — Фазаны чрезвычайно умны, не правда ли, доктор?

— Фазаны отличаются высочайшим интеллектом, — подтвердил док Спенсер. — Они прекрасно ориентируются в ситуации.

— Конечно, это большая честь — быть подстреленными старшим констеблем графства, — сказал папа, — и ещё бóльшая честь — быть после этого съеденными лордом Чертополокси, но у меня есть подозрение, что фазаны могут иметь другую точку зрения на этот вопрос.

— Да вы мерзавцы, оба! — крикнул мистер Фундукк. — Вы самые негодяйские из негодяев!

— Спокойно, спокойно, — сказал сержант Кактотак. — Оскорбления нас ни к чему не приведут. Они только усугубляют конхвликт. А посему, джентльмены, у меня к вам предложение. Я предлагаю всем нам сделать хвизическое усилие и передислоцировать этих хвазанов обратно, через дорогу, на землю мистера Хвундукка. Что вы на это скажете, мистер Хвундукк?

— Скажу, что это шаг в правильном направлении, — проворчал мистер Фундукк. — Давайте, приступайте.

— А ты что скажешь, Вильям? — спросил сержант у моего папы.

— Как по мне, прекрасная идея, — ответил папа, глядя на сержанта Кактотака странным взглядом. — Буду чрезвычайно рад помочь. И Данни будет рад.

Что же он задумал? Я терялся в догадках. Потому что когда мой папа смотрел на кого-то своим странным взглядом, это означало, что сейчас произойдёт что-то странное. И в глазах сержанта Кактотака, обычно серьёзных, тоже, я заметил, плясали чёртики.

— Давайте же, парни! — воскликнул он. — Переведём этих ленивых птичек через дорогу!

С этими словами он принялся расхаживать туда-сюда по заправке, размахивая руками и крича:

— Хву! Хву! А ну кыш отсюда! Брысь! Полетели прочь!

Мы с папой присоединились к сержанту и тоже принялись за это нелепое занятие, и во второй раз за это утро целые облака фазанов поднялись в воздух, хлопая огромными крыльями. Тут-то до меня и дошло: чтобы перелететь через дорогу, фазаны сначала должны пролететь над здоровущим мистерфундукковым роллсройсом, который стоял как раз у них на пути, причём с распахнутой дверью.

А поскольку фазаны всё ещё были слишком сонными, чтобы преодолеть такое препятствие, они сдавались на полпути и плюхались прямо на эту серебряную громадину. Они заполонили всю крышу и весь капот, скользя, сползая, пытаясь уцепиться за идеально

гладкую поверхность. Я слышал, как их острые когти царапают краску, и видел, как крыша покрывается помётом.

— Прогоните их! — завизжал мистер Фундукк. — Гоните прочь!

— Не беспокойтесь, мистер Хвундукк, — крикнул ему в ответ сержант Кактотак. — Мы всё устроим. Давайте, парни! Гоните их через дорогу!

— Не на мою машину, идиот! — заорал мистер Фундукк, прыгая вверх-вниз. — Гоните в другую сторону!

— Да-да, сэр, хорошо! — ответил сержант Кактотак.

Не прошло и минуты, как весь роллс был облеплен фазанами, и все они царапали и скребли блестящую серебряную краску и оставляли на ней гадкие потёки помёта. В придачу не меньше дюжины птиц залетело в машину через открытую водительскую дверь. Уж не знаю, не сам ли сержант Кактотак ловко загнал их туда; в любом случае, это произошло так быстро, что мистер Фундукк не успел ничего заметить.

— Убери этих птиц с моей машины! — заголосил мистер Фундукк. — Ты, чокнутый, ты что, не видишь, что они портят краску?!

— Краску? — переспросил сержант Кактотак. — Какую краску? — Он уже не гонял фазанов, а стоял и смотрел на мистера Фундукка, грустно качая головой. — Хвактически, мы сделали всё возможное, но эти невежественные птицы не понимают, чего от них хотят.

— Я про машину, идиот! — крикнул мистер Фундукк. — Убери их с моей машины!

— А-а, — сказал сержант. — Про машину. Понимаю. Понимаю, сэр, о чём вы. Чертовски грязные птицы, эти хвазаны. Но, может, вам быстренько сесть за руль, завестись и поехать? Тогда они сразу слетят с машины, разве нет?

Мистер Фундукк был только рад поскорее покинуть этот сумасшедший дом. Он бросился к открытой двери своего роллса и запрыгнул на водительское сиденье, сержант Кактотак захлопнул дверь — и в тот же

миг в машине начался адский бедлам. Не меньше дюжины огромных фазаниц начали кудахтать и хлопать крыльями, задевая по чему попало, в том числе и по голове мистера Фундукка.

— Езжайте, мистер Хвундукк, сэр! — крикнул сержант Кактокак в окно машины самым своим командирским полицейским голосом. — Вперёд, вперёд! Быстрее! Не теряйте времени! Игнорируйте этих хвазанов, мистер, и жмите на газ!

Мистеру Фундукку ничего не оставалось, кроме как спасаться бегством.

Он завёл мотор, и огромный роллс рванул с места, взметая вверх тучи фазанов.

А потом произошло нечто невероятное. Фазаны, слетевшие с машины, *остались в воздухе*. Вопреки нашим ожиданиям, они не опустились на землю, осоловело хлопая крыльями. Они остались в воздухе. И полетели. Над нашей заправкой, над нашей кибиткой, над полем, где стоял наш туалет, и над следующим полем, и над вершиной холма, пока не скрылись из виду. — Силушки небесные! — крикнул док Спенсер. — Вы только посмотрите! Они ожили! Оклемались! Снотворное больше не действует!

Все прочие фазаны тоже начали просыпаться. Они распрямляли ноги, расправляли перья, мотали головами. Потом забегали: сперва один-два, потом и все

остальные, и, когда сержант Кактотак замахал на них руками, вся стая снялась с места, взмыла в небо над заправкой и была такова.

Раз — и всё, никаких тебе фазанов. Но что самое интересное — ни один не перелетел через дорогу и даже не полетел вдоль дороги в направлении Фундуккова леса и большой охотничьей вечеринки. Все до единого фазаны полетели в противоположном направлении!

Сюрприз дока Спенсера

На дороге по-прежнему стояли бампер к бамперу десятка два легковых машин и грузовиков. Водители и пассажиры собрались в кучки и со смехом обсуждали поразительное событие, свидетелями которого оказались.

— Поехали, поехали! — скомандовал, направляясь к ним, сержант Кактотак. — Давайте, давайте! Вы мешаете движению!

Сержанту Кактотаку никто никогда не перечил, так что все нехотя разошлись по своим машинам и поехали своей дорогой. Через несколько минут поблизости никого не осталось. Вернее, осталось четверо: док Спенсер, сержант Кактотак, папа и я.

— Ну, Вильям, — сказал сержант Кактотак, возвращаясь с дороги к насосам, где мы стояли. — Эти хвезаны — самое хвеерическое зрелище, какое я видел за всю мою жизнь.

— Это было великолепно, — сказал док Спенсер. — Просто великолепно. Тебе понравилось, Данни?

— Это было расчудесно, — сказал я.

— Жаль, что мы их потеряли, — сказал папа. — У меня чуть сердце не разорвалось, когда они начали вылетать

из коляски. Я уже тогда понял: всё, мы их теряем.

— Но как тебе вообще удалось их изловить? — спросил сержант Кактотак. — Как ты это сделал, Вильям? Давай, колись. Открой мне свой секрет.

И папа открыл ему секрет. Кратко, без подробностей, но всё равно получилось превосходно. И пока он рассказывал, сержант то и дело повторял: «Хвантастика! Лопни мои глаза! С ума сойти! Помираю!» и тому подобное. А когда папа закончил свой рассказ, сержант нацелил свой длиннющий полицейский палец прямо мне в лицо и закричал:

— В жизни бы не поверил, что такая малявка может придумать такой гениальный хвокус! Поздравляю вас, юноша!

— Он далеко пойдёт, наш Данни, вот увидишь! — сказал док Спенсер. — Однажды он станет великим изобретателем!

Оттого, что два человека, которыми я восхищался больше всех на свете — после папы, конечно, — говорили про меня такие вещи, я покраснел и онемел. И пока я стоял и пытался вспомнить какие-нибудь подходящие к случаю слова, за спиной у меня раздался женский крик:

— Слава небесам, наконец-то всё это кончилось!

Это, конечно же, была миссис Грейс Клипстон, которая осторожно спускалась из кибитки, прижимая к себе малыша Кристофера.

— Никогда в жизни, — приговаривала она, — никогда в жизни я не видела такого бедлама!

На голове у неё по-прежнему сидела крошечная белая шапчонка, а на руках по-прежнему были чопорные белые перчатки.

— Ага, стало быть, все в сборе! — сказала она, подступая к нам. — Негодники и шалопаи! Доброе утро, Енох!

— И вам доброго утречка, миссис Клипстон, — сказал сержант Кактотак.

— Как ваш сыночек? — спросил мой папа.

— Уже получше, спасибо, Вильям, — сказала

она. — Хотя, боюсь, он уже никогда не станет прежним.

— Станет, станет, не сомневайтесь, — сказал док Спенсер. — Младенцы весьма выносливы.

— Ах, выносливы! Как бы *вы* себя чувствовали, если бы вас тихо-мирно повезли на прогулку в уютной коляске, тёплым осенним утром, и вот вы сидите на чудном мягком матрасике... как вдруг этот матрасик оживает, и вас подбрасывает и швыряет вверх-вниз, как в каюте, когда штормит... и в следующий миг из-под матрасика вылезают сто кривых острых клювов и клюют вас, клюют, клюют!

Доктор склонил голову набок, потом на другой, и улыбнулся миссис Клипстон.

— Вы считаете, что это смешно? — взъярилась она. — Погодите, доктор Спенсер, в одну прекрасную ночь я подсуну под *ваш* матрасик парочку змей или крокодилов, и тогда поглядим, как вам это понравится!

Сержант Кактотак прикатил от насосов свой велосипед.

— Ну что ж, леди и джентльмены, — сказал он, — мне пора. Нужно посмотреть, не выкинул ли кто в нашей округе ещё какой-нибудь хвортель.

— Прости, что побеспокоили тебя, Енох, — сказал мой папа. — И огромное тебе спасибо за помощь!

— Да я бы за все сокровища мира не согласился пропустить этот хвейерверк! — сказал сержант Кактотак. — Но до чего же обидно, Вильям, что эти дивные птицы

ускользнули у нас меж пальцев. Потому как на мой вкус нет на свете еды чудесней, чем жареный хвазан.

— А представьте, как огорчится викарий! — сказала миссис Клипстон. — У него сегодня с самого утра только и разговоров, что про ужин — про вкусненького, жирненького жареного фазанчика!

— Ничего, — сказал док Спенсер. — Викарий — сильный человек. Он это вынесет.

— Нет! Он этого не вынесет! Вам не понять, какое это несчастье. Мне нечего подать ему на ужин, кроме жуткого замороженного филе трески, а он, между прочим, треску терпеть не может.

— Но, — сказал папа, — вы ведь запихнули в коляску не *всех* фазанов, верно? Вы ведь должны были оставить себе и викарию как минимум дюжину?

— Да знаю я! — Миссис Клипстон чуть не плакала. — Но от мысли, что мне предстоит как ни в чём не бывало прогуливаться по деревне с Кристофером, сидящим на ста двадцати фазанах, я так разволновалась, что забыла оставить себе нашу долю! И теперь их нет! Были да сплыли! Плакали наши фазанчики! Плакал наш ужин!

Доктор подошёл к миссис Клипстон и взял её за локоть.

— Пойдёмте со мной, Грейс, — сказал он. — Мне нужно вам кое-что показать.

Он повёл её наискосок в папину мастерскую,

широкие двери которой были до сих пор распахнуты.

Мы остались ждать, что будет дальше.

— О небо! Вы только посмотрите на это! — раздался голос миссис Клипстон из мастерской. — Вильям! Енох! Данни! Идите сюда!

Мы поспешили на зов.

Это было поистине грандиозное зрелище. На папином верстаке, среди гаечных ключей и промасленных тряпок, лежало шесть великолепных фазанов — три петушка и три курочки.

— Итак, леди и джентльмены, — сказал доктор, и его сморщенное личико просияло от удовольствия. — Что вы на это скажете?

Мы онемели.

— Два — вам, Грейс, чтобы викарий возрадовался, — сказал док Спенсер. — Два — Еноху, за его безупречную работу. И ещё два — Вильяму и Данни, которые больше всех это заслужили.

— А как же ты сам, док? — спросил папа. — Тебе-то, выходит, ничего не остаётся.

— Моей жене и без того есть чем заняться, кроме как целый день ощипывать фазанов, — сказал он. — И потом, кто их раздобыл? Кто вынес их из леса? Ты и Данни.

— Но тебе-то как это удалось? — спросил папа. — Как ты ухитрился их свистнуть?

— Я вовсе не свистел, — ответил доктор. — У меня

было наитие.

— Какого рода наитие? — спросил папа.

— Мне казалось совершенно очевидным, — сказал доктор, — что некоторые фазаны наверняка проглотили больше одной изюмины. Более того, самые проворные из фазанов могли проглотить и по дюжине изюмин, если не по две дюжины. В каком случае должна была иметь место опаснейшая передозировка снотворных капсул, после которой фазан уже не проснётся.

— Ага! — вскричали мы. — Точно! Точно!

— Таким образом, пока вы все были заняты загонянием птиц в Фундукков роллс-ройс, я прокрался сюда и заглянул под покрывало, на самое дно коляски. И вот, пожалуйста!

— Хвантастика! — сказал сержант Кактотак. — Хворменная хвантастика!

— Это были самые жадные птицы, — сказал доктор. — Чревоугодие до добра не доводит.

— Bravo! — сказал папа. — Док, вы молодчина, сэр!

— Ах, какой же вы милый! — воскликнула миссис Клипстон, обнимая крошечного доктора и чмокая в щёку.

— Идёмте, — позвал её док Спенсер, — я подвезу вас домой. А эту безумную коляску можете оставить здесь. Енох, мы прихватим ваших птичек с собой и по пути забросим к вам домой.

Нельзя же, чтобы блюститель закона разъезжал по деревне на велосипеде со связкой фазанов на руле.

— Буду вам хвеноменально признателен, доктор! — сказал сержант Кактотак. — Хвеноменально.

Мы с папой загрузили четырёх фазанов в докторскую машину. Миссис Клипстон с ребёнком забралась на переднее сиденье. Доктор сел за руль.

— Не печальтесь, Вильям, — сказал он в окошко папе, отъезжая. — Это был подлинный триумф!

Сержант Кактотак оседлал свой велосипед, помахал нам на прощанье и покатил вниз по дороге,

в направлении деревни. Он ехал неспешно, величественно, с высоко поднятой головой и очень прямой спиной, словно под ним был не старый чёрный велосипед, а прекрасная чистокровная кобыла.

Мой папа

Всё было кончено. Мы с папой остались одни перед дверьми мастерской. Наша старенькая заправка внезапно показалась нам очень тихой.

— Ну что ж, Данни, — сказал папа, глядя на меня своими искристыми глазами. — Вот и всё.

— Было здорово, папа.

— Я знаю, — сказал он.

— Мне жутко понравилось, — сказал я.

— И мне, Данни.

Он положил руку мне на плечо, и мы медленно зашагали к кибитке.

— Может, нам запереть насосы и объявить остаток дня выходным? — спросил он.

— Ты хочешь сказать — вообще сегодня не открываться?

— Ну а почему мы должны открываться? — спросил он. — В конце концов, сегодня суббота.

— Но мы же всегда работаем по субботам, пап. И по воскресеньям.

— А сегодня не будем, — сказал он. — Лучше займёмся кое-чем другим. Кое-чем поинтереснее.

Я ждал, что будет дальше.

Когда мы дошли до кибитки, папа поднялся по ступенькам, сел на наше крошечное крылечко и свесил ноги — гипсовую и нормальную. Я тоже поднялся, сел рядом с ним и поставил ноги на ступеньки.

Так приятно было на нём сидеть, на нашем крылечке. Так спокойно, так уютно было сидеть на нём в тёплый денёк, болтать о том о сём и ничего не делать. У людей с домами для таких случаев имелась веранда у парадного входа или терраса с шезлонгами, но нашу узенькую дощатую площадку я бы ни на что не променял.

— Я знаю одно местечко, — говорил папа, — милях в трёх отсюда, по ту сторону Чепухового холма, где лесок из лиственницы. Это очень тихое место, и там протекает ручей.

— Ручей? — переспросил я. ♪

Он кивнул и бросил на меня свой искрящийся взгляд.

— А в нём полно форели.

— Ой, а *можно*? — воскликнул я. — Мы можем туда пойти, папа?

— Почему бы нет? — сказал он. — Запросто можем пойти и пощекотать рыбок по методу дока Спенсера.

— Ты меня научишь? — спросил я.

— У меня с форелью мало опыта, — признался он. — Я больше по фазанам. Но учиться никогда не поздно.

— А прямо сейчас можно? — спросил я, снова предвкусывая приключение.

— Я думал сперва заскочить в деревню и купить электрическую духовку, — сказал он. — Ты не забыл про духовку?

— Но, пап, — сказал я, — мы же собирались её покупать, потому что думали, что нам предстоит жарить много-премного фазанов.

— У нас всё-таки есть два фазана, которых дал нам

док, — сказал он. — А если повезёт, то со временем будут ещё и ещё. В любом случае надо купить духовку — тогда мы сможем жарить и запекать всё, что захотим, а не только разогревать бобы в кастрюльке. Сегодня, например, зажарить свинину, а завтра — ногу ягнёнка, а то и телячий бок. Как тебе это понравится?

— Очень, — сказал я, — очень. Скажи, папа, а ты сможешь приготовить твоё самое-пресамое любимое блюдо?

— Это какое же? — спросил он.

— «Жабу в норе», — ответил я.

— Верно! — вскричал он. — Это будет первое, что мы

приготовим в нашей новой духовке! «Жабу в норе»! В огромной сковороде, точь-в-точь как у моей мамы, йоркширский пудинг будет с хрустящей корочкой, и она будет пузыриться такими горами, а между горами уютно устроятся сосиски!

— А можно прямо сегодня, пап? Духовку могут доставить сразу?

— Возможно, Данни. Надо посмотреть.

— А мы не можем заказать её прямо сейчас по телефону?

— Это неправильно, — сказал папа. — Надо пойти, лично увидеться с мистером Крутилом и внимательно осмотреть разные модели.

— Ладно, — сказал я. — Тогда идём.

Я страшно загорелся этой идеей: купить духовку и готовить «жабу в норе», и жареную свинину, и всё такое. Мне уже не терпелось начать.

Папа встал на ноги.

— А после этого, — сказал он, — мы пойдём к реке и посмотрим,

не попадётся ли нам большая радужная форель. Можем взять с собой бутерброды и съесть их у реки. У нас будет хороший день.

Через несколько минут мы с папой уже шагали по хорошо знакомой дороге к деревне, покупать плитку. Папина железная нога клала по дорожному покрытию, а над головой медленно плыли по долине большие и чёрные грозовые тучи.

— Пап, — сказал я.

— Да, мальчик мой дорогой?

— А когда мы изжарим наших фазанов в нашей новой духовке, как ты думаешь, мы сможем пригласить на ужин доктора Спенсера и миссис Спенсер?

— Боже мой! — воскликнул папа. — Какая чудесная мысль! Какая дивная идея! Мы устроим обед в их честь!

— Вот только, — сказал я, — хватит ли у нас в кибитке места на четверых?

— Думаю, хватит, — сказал он. — Впритык.

— Но у нас только два стула.

— Не проблема, Данни. Мы с тобой можем сесть на ящики. — Он чуть-чуть подумал, потом сказал: — Вот что нам точно понадобится, так это скатерть. Не можем же мы угощать доктора и его жену без скатерти.

— Но у нас нет скатерти, папа.

— Не беспокойся об этом, — сказал папа. — Можем взять простыню с одной из наших коек. В конце концов, что такое скатерть? Это своего рода простыня.

— А как быть с ножами и вилками? — спросил я.

— А сколько у нас есть?

— Всего два ножа, — сказал я, — и две вилки. И все

они слегка погнутые.

— Значит, купим ещё два ножа и две вилки, — сказал папа. — Гостям дадим новые, а себе возьмём старые.

— Хорошо, — сказал я. — Отлично. — Я нащупал его руку. Он обхватил своими длинными пальцами мою ладонь и крепко сжал, и мы пошли дальше, к деревне, где нам вскорости предстояло тщательно осмотреть все модели плит и обсудить их лично с мистером Крутиллом.

А после этого мы вернёмся домой и сделаем бутерброды.

А потом мы сунем бутерброды в карманы, и поднимемся на Чепуховый холм, и спустимся с другой стороны, где тот лесок из лиственниц, по которому течёт ручей.

А потом?

Может быть, потом будет большая радужная форель.

А потом?

А потом ещё что-нибудь.

А потом?

И потом тоже что-нибудь ещё.

Потому что я ведь о чём пытаюсь вам сказать...

Всё это время я пытаюсь сказать вам, что ни у одного, ни у единого мальчика в мире никогда не было такого расчудесного и восхитительного папы, как у меня.

Литературно-художественное издание
СЕРИЯ «РОАЛЬД ДАЛЬ. ФАБРИКА СКАЗОК»

Роальд Даль

Данни, чемпион мира

Для младшего и среднего школьного возраста

В соответствии с Федеральным законом № 436
от 29 декабря 2010 года маркируется знаком **6+**

Перевод с английского Евгении Канищевой

Иллюстрации Квентина Блейка

Верстка Валерия Харламова

Литературный редактор Наталья Калошина

Корректор Ника Максимова

Выпускающий редактор Светлана Злобина-Кутявина

Главный редактор Ирина Балахонова

Книга — почтой

samokat.post@gmail.com

+7 (915) 164-52-57

Отдел продаж

+7 (499) 922-85-95

samokat.zakaz@gmail.com, samokat.ish@gmail.com

Почтовый адрес:

ООО «Издательский дом «Самокат»

101000, Москва, а/я 487

Тел. +7 (495) 506-17-38

info@samokatbook.ru, www.samokatbook.ru

Книги по издательским ценам можно приобрести по адресу:

Москва, Малая Ордынка 13, стр. 3 (2 этаж)

или в интернет-магазине «ФрекенБукс» www.frekenbooks.ru

Подписано в печать 20.06.2016

Формат издания 60x84/16

Печать офсетная. Бумага финская офсетная пухлая (Classik)

компании Stora Enso

Усл. печ. л. 13,95. Тираж 5000 экз.

Заказ № 3152.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

www.caomprk.ru, www.оломпк.рф тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Истории творят добро

Роальд Даль был шпионом, классным лётчиком-истребителем, создателем истории шоколада и автором медицинских изобретений. А еще он придумал «Чарли и шоколадную фабрику», «Матильду», «БДВ» и много других отличных историй. Он до сих пор считается сказочником № 1 в мире.

Роальд Даль говорил:

«Когда у человека в голове хорошие мысли, лицо у него сияет как солнце — и он всегда прекрасно выглядит».

Мы уверены, что надо творить добро.

Поэтому десять процентов прибыли Роальда Даля* перечисляется в благотворительные организации.

Куда идут эти средства? Например, на оплату медсестёр для тяжелобольных детей; на помощь нуждающимся семьям; на развитие просветительских программ. Спасибо за помощь в этой важной работе.

Подробности на сайте roalddahl.com.

*The Roald Dahl Charitable Trust —
благотворительная организация,
зарегистрированная в Великобритании
(№ 1119330)*

** Все авторские выплаты и доходы от роялти
перечисляются без комиссии сторонних
организаций.*

ROALD DAHL 100

Роальд Даль (1916–1990) — писатель с неанглийским именем, прославивший английскую литературу XX века. Англичане называют его «сказочником номер один в мире». Он в одном ряду с такими писателями, как Кеннет Грэм, Клайв Льюис, Джон Толкиен и Джоан Роулинг. Писатель, сценарист, публицист и поэт. Книги Даля переведены на 34 языка. Только в Великобритании издано более 50 млн экземпляров. И прославился Даль как детский сказочник. В списке «200 лучших книг по версии ВВС» 2003 года — восемь из семнадцати написанных им книг для детей. Все его книги — бестселлеры, по ним сняты фильмы и мультфильмы. И главное — дети его обожают!

Вот что он сам говорит:

Я уверен, что могу постучаться в любой дом, где есть дети, — в США, Великобритании, Голландии, Германии, Франции — и сказать: «У меня кончился бензин. Не могли бы вы угостить меня чашечкой чая?» И они наверняка узнают меня. И это для меня главная радость.

В 2016 году великому сказочнику исполняется 100 лет.

В «САМОКАТЕ» выходят книги РОАЛЬДА ДАЛЯ с иллюстрациями КВЕНТИНА БЛЕЙКА:

- Изумительный мистер Лис
- Чарли и шоколадная фабрика
- Джеймс и Чудо-Персик
- Волшебный палец
- Ведьмы
- Матильда
- Чарли и большой стеклянный лифт
- БДВ: Большой и добрый великан
- Жирафа, и Пелли, и я
- Ахав Ереч
- Свинтусы
- Данни, чемпион мира
- Волшебное лекарство Джорджа
- Мальчик. Рассказы о детстве
- Полеты в одиночку

Знакомьтесь:

Данни

и его
папа

6+

ISBN 978-5-91759-514-6

9 785917 595146 >

Мировой рекорд!

Воздушные змеи
и огненные шары

Тайны
и сюрпризы

Данни, чемпион мира

Данни считает, что его папа — самый расчудесный и восхитительный папа на свете. Жизнь в их старой кибитке течёт счастливо и мирно, вот только в один прекрасный день Данни узнаёт, что папа нарушает закон. А вскоре и сам Данни разделит папине опасное увлечение — и они вдвоём воплотят в жизнь дерзкий и коварный заговор против отвратительного краснорожего мистера Виктора Фундукка.

Отлично! Купив эту книгу, ты помог другому ребёнку. 10% прибыли Роальда Даля перечисляется благотворительным организациям. Подробности на сайте roalddahl.com.